

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

ТАМПЛИЕР НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Annotation

Александр Воронов, студент Института иностранных языков, заброшен на семьсот лет назад, в далекое прошлое, на побережье Средиземного моря. Вот где пригодилось знание французского, которым его изводили родная бабушка и строгие преподаватели. Александр становится оруженосцем у рыцаря-тамплиера в самый трагический момент — нападения мамлюков на последний оплот рыцарей город-крепость Акру.

Наш студент нигде не пропадет — набравшись боевого опыта, Воронов делает в осажденном городе стремительную карьеру.

Но силы не равны! С трудом избежав гибели и пленения, молодой воин на последнем корабле выбирается во Францию, откуда кружным путем пробирается на Русь. Но попадает из огня в полымя — в самый разгар татарского нашествия.

Юрий Корчевский

Тамплиер

На Святой земле

Серия «Героическая фантастика»

© Корчевский Ю. Г., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Глава 1

«Монастырь»

Отправиться на каникулы на Ладожское озеро — это была идея Валерия, однокурсника по альма-матер. Соблазнил рыбалкой, местами красивыми, глухими, почти девственными. Сомневался Александр. «Каждый кулик своё болото хвалит», — поговорка, верная на все времена. А куда на лето податься? В Питере, этих каменных джунглях, надоело. В Турцию или на Кипр — для студента дорого. Он и так два курса подрабатывал, чтобы одеться хотя бы. Сам питерский, хоть на квартиру не тратиться и на еду. С бабушкой жил. Да какие у них доходы? Её пенсия и его стипендия. Однокурсники на собственных машинах к университету подкатывали, на запястье «умные» часы. А зависти не было. Не их это вещи, не своим трудом заработаны, богатенькие родители подарили. Девчонки с курса и глазки им строили, пытались влиться в компанию, и списывать давали. А только не в коня корм. Александр на факультете иностранных языков учился. Там произношение нужно, словарный запас. У него с этим лучше всех. Бабушка его из семьи старой питерской интеллигенции уже в пятом колене. Сама французский знает, читает и говорит свободно. И дочь выучила, и его, внука Сашу. Языки Александру давались легко. На факультете начал учить второй язык, испанский. Понял, что, зная один язык, второй учить легче.

На первом курсе брался за малую подработку — телефонами и прочими гаджетами в магазине торговал, нелегальным гидом был для туристов из Франции. На втором курсе подработку получше нашёл — переводил тексты для фирм. В Питере знающих финский язык много, всё же соседи, на выходные питерцы шоп-туры в Финляндию делали. Владеющих немецким и английским поменьше, но хватает. А французский или итальянский знают не так много. Александр считал — везение. Да и временем распоряжается сам. Есть часок-другой, кусок текста перевёл. Одно плохо: тексты больше технические, сложные.

Поехать из города на неделю-две бабушка посоветовала. Сказал он ей о предложении однокурсника, а та сразу — езжай. В Питере климат сырой. Если утром нет дождя, жди после обеда. Зонтик — непременный аксессуар для коренных жителей. Подумав — согласился.

На Ладогe, да в глухом краю, в деревне впрямь хорошо. Дед с бабкой внука Валеру с приятелем встретили, как дорогих гостей. Изба бревенчатая, большая. Лес рядом, где черника и прочие ягоды да грибы. Озеро из окон видно, рыбу лови — не хочу. А желаешь, просто гуляй, наслаждайся воздухом чистейшим, природой первозданной. В городе суета, многолюдье, а в деревне жизнь размеренная, спокойная, продукты натуральные — молоко, хлеб, варенье, яйца, рыба. Только и покупают, что сахар да крупы. Зелень — с огорода. Молоко и сметану у соседей берут задёшево. Вот по вечерам скучно, деревня малолюдная, непривычно. Телевизор старый, показывает плохо, Интернета нет, доисторические времена! Зато с Валерой близко сошлись, по вечерам на разные темы беседовали.

Несколько раз на дедовой лодке рыбачить выходили. Предупреждал дед Василий — увидите тучки на севере, гребите к берегу сразу. Погода на Ладогe переменчива. Солнце светит, небо чистое, на воде шпиль. А через полчаса ветер задул, тучи нагнал, дождь льётся, а волны в два-три метра высотой. Велико Ладожское озеро. Другого берега не видно, коварно. Не зря местные жители говорят — море, а не озеро.

Сегодня дед Василий с Валерой по грибы в лес пошли. Александр не любитель «тихой охоты», решил порыбачить. Лодка невелика, один спокойно на вёслах управится. Удочки есть, червей накопал, правда — почва каменистая, не так просто. Погода прекрасная — солнце светит, небо голубое, без облаков. А вот вода прохладная, желание купаться начисто отшибает. Выгреб на сотню метров от берега, удочки закинул. Поклёвка сразу пошла, только и успевал таскать одну рыбку за другой. Лещ, окунь, потом ещё крупная рыбка, названия которой определить не смог. Увлёкся, по сторонам не смотрел. Только когда лодку с борта на борт качать стало, осмотрелся. Тучи над головой низко, волны поднялись. А хуже всего — лодку от берега отнесло, с полкилометра будет. Удочки быстро смотал, за вёсла уселся. Полкилометра — это не далеко. Парень он физически сильный, грёб мощно. Обернулся посмотреть, далеко ли до берега, а земля не приближалась. Ёкнуло в груди. Четверть часа работал вёслами, вспотел, а толку чуть. Снова грести принялся, лодку всё сильнее качает, волны выше и выше. Хуже всего — качка бортовая, того и гляди, вода через борт перехлестнёт. Немного воды на дне лодки плещется, где пойманная рыба лежит. Голову повернул, а берег всё так же далеко. Тут уже лёгкий испуг пришёл. Ветер крепчает, первые капли дождя упали, волны всё выше и выше. Ветром лодку от берега отжимает. Александр на вёсла налёг. На берегу показались дед Василий и Валера. Кричат что-то, руками размахивают. Но расстояние велико, ветер шумит, не слышно ничего. Начал лодку разворачивать кормой к волнам, в это время большая волна набежала, лодку захлестнула. В лодке и так вода была, а сейчас едва не половина сделалась, лодка потяжелела, следующая волна довершила катастрофу. Посудина набрала ещё воды, корма сразу осела, Александру даже выпрыгивать не пришлось, оказался в бушующей стихии. Сланцы, что на ногах были, сразу слетели. Да это и хорошо, плыть сподручнее. Одежонка летняя, лёгкая, двигаться в воде не мешает. Саженьками к берегу поплыл. Нехорошо получилось, дедову лодку утопил. То и дело его накрывало волной с головой. Выныривал, отплёвывался. Вроде направление верное держал, но за волной плохо видно, да ещё и дождь видимость сократил. Через некоторое время уставать стал, вот теперь охватил настоящий страх, животный. Но паниковать нельзя, паника в таких случаях худший советчик. Движения всё медленнее, каждый взмах труднее делается. Однако странность появилась — вода солоноватой сделалась. Поперва подумал — показалось, ан нет. Да бог с ней, с водой, берег где? Неожиданно ноги за твердь задели, сразу надежда появилась. Ещё несколько гребков, и смог встать, опереться. К берегу побрёл, а ноги едва слушаются, волны в спину бьют. У берега споткнулся, упал. Половина тела на берегу, а ноги в воде. Сил выползти нет, но главное — спасся! А в душе вместо радости усталость, апатия.

Ничего, отлежится немного, встанет. Да и дед Василий с Валерой наверняка вдоль берега бегает, его разыскивая. Послышался удар колокола. Хм, занятно. В деревне ни церкви, ни колокола нет. Или его далеко в сторону снесло? Из пелены дождя появился большой лохматый пёс, подбежал, обнюхал, гавкнул и умчался. Надо вставать, хотя сил нет. Раз есть собака и колокол звонил, стало быть, люди рядом, деревня или село. Александр встал на четвереньки, пополз. Пока лежал, ноги в воде были, замёрзли, ниже колен он их чувствовал плохо. Попробовал встать, ноги слушались плохо, но поднялся. Снова собака появилась, за ней мужчина, в чёрной рясе, прилипшей от дождя к телу, опоясан простой верёвкой, на голове капюшон. Священников Александр видел, в церкви бывал больше из интереса. Как можно жить в Питере и не посетить Исаакиевский собор или Казанский либо Спас на Крови? Но священники капюшонов не имели, да и верёвкой не опоясывались. Не

монах ли? На Русских Северах монастыри, скиты встречаются, хотя широко известен только Соловецкий. Монах подхватил Александра под руку, повёл. Из-за пелены дождя показались мощные каменные стены с коваными воротами, под ними надпись — аббатство святого Бенедикта, причём латиницей. Александр замер. Какое аббатство? Нет их в России, это у католиков. Монах завёл его в небольшую комнату.

— Садись, сын мой, поближе к очагу, обогрейся, обсушись.

Странность за странностью! Монах говорит на французском. Только диалект не такой, хотя Александр его понял. Монах придвинул к камину грубо сколоченную табуретку. Александр плюхнулся. От камина тянуло живительным теплом. А с одежды буквально ручьями текла вода. Монах откинул капюшон: на темени выбритая тонзура, круг диаметром сантиметров десять. Точно, католик, похоже — бенедиктин. Был такой монашеский орден, насколько помнил Александр, давно. Монах отошёл, вернулся с кружкой, протянул:

— Испей, быстрее согреешься.

В кружке оказалось подогретое красное вино. Александр стал пить небольшими глотками. В самом деле, начал согреваться, почувствовал, как по жилам тепло побежало.

— Благодарю! Меня Александром звать, — представился студент.

— Как Александра из Македонии? У тебя акцент. Ты не гасконец?

Александр задумался. Нечто странное происходит — что, он пока понять не мог. Нужно немного выждать, чтобы понять ситуацию. И о себе пока лишнего не говорить, больше расспрашивать.

— Не помню.

— Бывает, вспомнишь ещё. Впрочем, потрясение твоё было велико. Меня звать Доминик, святой отец Доминик.

— Где я?

— Аббатство святого Бенедиктина, что недалеко от Марселя, всего два лье.

Чудит монах. Какие лье, если Франция давно перешла, после Наполеона, на метрическую систему мер. Но всё это было мелочью, поскольку настоящее потрясение ждало Александра впереди. Послышался стук копыт, вскоре в комнату вошёл настоящий средневековый рыцарь. Белая накидка с большим красным крестом, под ней кольчуга мелкого плетения, на поясе меч висит, а на голове шлем с поднятым забралом. Вот теперь был шок! У них тут что, ролевые игры? Вопросов на языке вертелось много, но Александр стиснул зубы, молчал. Рыцарь кивнул, попросил Александра:

— Помоги снять.

Александр стянул через голову накидку, выжал. Доминик повесил её на верёвку в углу комнаты.

— Меч прими.

Рыцарь расстегнул пояс, отдал Александру. Пояс из толстой кожи, с заклёпками. И меч не бутафорский, тяжёл, вместе с ножнами килограмма два с половиной, а то и больше. На стол его уложил, а рыцарь ремешок расстегнул, стянул шлем, на табурет его пристроил. Потом поклонился низко, почти касаясь головой каменного пола. Кольчуга с железным шелестом сползла под своим весом.

— Высуши и маслом смажь, — приказал рыцарь.

Да кто он такой, приказывать? Вмешался монах:

— Пьер, он не пилигрим и не оруженосец. Я его вытащил из воды, только что.

— Твоё судно утонуло? — заинтересовался рыцарь.

— Именно так, — кивнул Александр. — Похоже — я один смог спастись.

— Ты не из Каталонии плыл? — недобро прищурился рыцарь.

— Из Гавра, — соврал Александр.

Всё происходящее с ним походило на театр абсурда, хуже того — на бред. Монах, рыцарь? Да он сейчас должен быть на берегу Ладоги. Эпоха рыцарей минула уж лет пятьсот-семьсот.

— Паломники? — снова задал вопрос рыцарь.

Александр кивнул.

— Тебе повезло, — вмешался монах. — Видимо, грехов меньше всех.

— А как же индульгенции? — спросил рыцарь.

— Они отпускают грехи человеческие, а не спасают, — спокойно объяснил монах.

— Ты лучше скажи — братья прибыли?

— Нет, ты первый из тамплиеров.

Чёрт! Как же Александр сам не догадался? Белая накидка, красный крест! Оповестительный цвет накидки ордена тамплиеров, как и девиз *Non nobis Domine, non nobis, sed nomini tuo da gloriam*, что в переводе с латыни, официального языка католиков, означало: «Не нам, Господи, не нам, но имени твоему дай славу!»

Тамплиеры, или Храмовники, также известны как орден бедных рыцарей Христа. Основан на Святой земле, в Палестине, группой рыцарей во главе с Гуго де Пейном после Первого крестового похода. Основан вторым, после ордена госпитальеров, военным орденом. Начинаясь как бедный, когда на двух рыцарей иной раз приходилась в походе одна лошадь. Поэтому на печати ордена был конь с двумя всадниками. Со временем орден получал от сочувствующих ему христиан земельные наделы, богател. Целью ордена была защита паломников, идущих на Святую землю, но выполнял он и защиту городов, созданных православными на Востоке, борьбу против мусульман. Покровителем тамплиеров был Бернар Клервоский. Орден считался французским, по месту зарождения, но подчинялся только папе римскому, который 29 марта 1139 года издал буллу, в которой тамплиерам разрешалось свободно пересекать любые границы, они освобождались от налогов и не подчинялись никому, кроме папы римского.

— Значит, придут скоро, — сказал рыцарь. — Непогода мешает.

Монастырь, хоть и был бенедиктинским, являлся местом сбора рыцарей и других орденов, поскольку располагался недалеко от Марселя, главного порта для отправки кораблей на Святую землю.

— Пойду коня в конюшню поставлю, — молвил рыцарь и вышел.

— Его Пьером звать, — сказал монах, когда рыцарь вышел. — Я его года два знаю. Говорят — сражается отважно.

Александр раньше представлял себе рыцарей людьми физически крепкими, мощными, высокими. Всё же таскать на себе железную защиту и оружие да сражаться — силы нужны. А рыцарь пониже его на полголовы и мышцами не впечатляет. Или, после прошествия многих веков, акселерация дала о себе знать? Монах-то тоже ростом не вышел, плюгавый.

Доминик посмотрел на босые ноги Александра:

— Без обуви плохо. Холодно, и ноги собьёшь, пока до Храма Господня дойдёшь. Сейчас я что-нибудь тебе подберу.

Монах вышел в соседнюю комнату, вскоре вернулся: в руке пара поношенных башмаков. Что занятно, оба на одну ногу, не понять, где правый, а где левый.

— Обуй! Как?

Александр обувь надел. Нечто среднее между туфлями и ботинками, немного свободноваты.

— Вполне, благодарю, — кивнул Александр.

— О, не благодари. Моё дело помочь людям в паломничестве. Был я на Святой земле. Камень, песок, жара, пока дойдёшь, ноги в кровь собьёшь, если босой. Да ещё эти мамлюки, всегда нападают.

Кто такие мамлюки, Александр тогда не знал, а встретиться пришлось, причём довольно скоро. Мамлюками называли военное сословие в средневековом Египте, из подростков кипчаков, а также абхазов, черкесов, грузин. Юноши обращались в ислам, учили арабский язык, обучались военному делу. Взращиваемые десятилетиями, мамлюки представляли грозную силу. Постепенно они взяли в свои руки власть в стране. Султан, считай, уже играл второстепенную роль, а потом и султанами стали мамлюки. В 1261 году под их властью были исламские святыни — Мекка и Медина. Их владения, кроме Египта, включали Сирию и Палестину, земли Северной Африки. В описываемый период ими правил султан аль-Ашраф-Халиль.

Вернулся рыцарь, в руках он нёс чрезседельную сумку, бросил её поближе к камину, сам уселся на табурет. Лицо грубое, как топором рубленное, жёсткое, длинные, до плеч, тёмные волосы. Он повернул голову к Александру:

— Ты в паломничество в Святую землю собрался?

— Именно так.

— Добавляй — господин.

— Конечно, так, господин.

— Мне нужен оруженосец. Пойдёшь служить? Жалованье не предлагаю, денег у меня нет. Но всегда будешь сыт, одет и под моей защитой.

— Хм, я никогда не был оруженосцем, господин. А что оруженосец должен делать?

Александр не только оруженосцем быть не собирался, но и паломником. Он вообще не знал, что будет делать. Вернуться бы на Ладугу, да как? Но и выживать надо, коли попал в Средние века. К тому же рыцарь собирается в Святую землю, к Храму Господню. А это земля сразу трёх религий — иудаизма, христианства и ислама. В его время в Иерусалим не каждый мог попасть — визы, деньги. А сейчас предоставляется возможность побывать, так почему упускать?

— Седлать моего коня, точить, чистить моё оружие, помогать мне одеться, в бою прикрывать с тыла. Если не лентяй и пройдоха, всё получится.

— Прикрывать? Я не держал оружия.

— Научу. Мечом за несколько дней не научишься, твоим оружием арбалет будет.

Арбалет считали оружием простолюдинов. Для того, чтобы хорошо владеть луком, нужны длительные тренировки, годы уходят. Лёгкий лук, скорострелен, шесть-семь стрел в минуту опытный лучник пустит. Однако стоит дорого и воды боится. Под дождь попасть, считай — испортить. Арбалет делался быстро, особенно если плечи железные. Выигрывал у лука по убойной силе, но проигрывал по скорострельности. Арбалетный болт весил около 50 граммов, имел скорость 70–90 метров в секунду, кольчуга железная болтом пробивалась на ста — ста двадцати шагах, хотя дальность полёта болта была до 250 метров. Тяжелее лука был, весом три-пять килограммов, и взводить его было сложно: либо приспособлением «козья нога», которое носилось отдельно на поясе, либо рычагом на самом арбалете. Отсюда

и скорострельность низкая, у опытного арбалетчика — до трёх выстрелов в минуту.

Для владения мечом или луком целое искусство требовалось, практика под руководством учителей, потому арбалет — удел плебеев, а не людей благородного звания. Александр об этих тонкостях тогда не знал.

Доминик расстарался, принёс с монастырской кухни рисовой каши, лепёшек и кувшин вина.

— Поешьте да ложитесь спать. Скоро стемнеет, и твои братья из ордена не приедут.

Перед ужином сперва монах, за ним рыцарь перекрестились, Доминик произнёс краткую молитву. Перекрестился и Александр, причём едва не совершил ошибку. Католики осеняют себя знамением слева направо, в отличие от православных. Ели в тишине, еда воздавалась человеку за труды, к ней относились уважительно. Потом Доминик проводил Пьера и его оруженосца в большую комнату с топчанами.

— Отдыхайте.

Надо ли сомневаться, что после передрыг Александр спал крепко. Утром спал бы ещё, да разбудил Пьер.

— Вставай, — толкнул он Александра. — Пора задать коню овса и завтракать самим.

Простых премудростей, которые знает каждый селянин, Александр не знал. В конюшне остановился у денника, где стоял единственный конь. Сколько сыпать овса? Рядом с ящиком овса стояло деревянное ведро. Нагрёб полное, высыпал в кормушку. То, что в своём времени казалось несущественным, далёким, ненужным, теперь выходило на первый план. После скромного завтрака из пшеничной лепёшки и кружки воды рыцарь вручил ему арбалет и наплечную сумку с болтами.

— Их двадцать, не потеряй ни один. Пойдём, покажу, как этим пользоваться.

Оба вышли за монастырские стены. Дождь ещё ночью прекратился, сияло солнце. В сотне метров виднелась роща, а далеко за ней — вершины гор.

— Для начала выберем цель. Пусть это будет вон тот пенёк. Рычагом взводим тетиву, в жёлоб кладем болт и целимся.

Щелчок прозвучал для Александра неожиданно. Сухой, резкий.

— Сбегай, посмотри, куда попал? И болт принеси, он денег стоит.

Пробежаться для молодого парня вроде физзарядки. Болт воткнулся в самый верх пня и вошёл глубоко. Пришлось сначала осторожно раскачать и с усилием выдернуть. Учитывая дистанцию и плотность древесины, получилось совсем неплохо.

— Давай ты, — предложил рыцарь. — Я посмотрю, какой из тебя ученик.

Александр прилежно всё исполнил. Зарядить арбалет физически тяжело, требуется применить усилие. Но не это напрягло. Прицел, каким он бывает на современном оружии, не было. Как и куда целиться? Навёл по болту, нажал спусковой рычаг. Щелчок, и болт улетел к цели.

— Так и продолжай, пока все болты в цель не уложишь без единого промаха. Один промах, и твой враг остался в живых. Глазом моргнуть не успеешь, как он подскочит на лошади и снесёт тебе голову.

У Александра от этих слов по спине мурашки пробежали. До этой поры всё как-то нереально было, напоминало игру.

— А ты убивал, Пьер?

— Приходилось. А раз стою перед тобой, значит — победил. Кто проиграл — гниёт в пустыни, или его сожрали шакалы.

Пьер повернулся и пошёл к монастырю. Саша к любому порученному делу относился ответственно. Вот и сейчас подошёл серьёзно. Для начала понять надо было, как целиться, куда болты летят. К пню на тридцать шагов подошёл, выстрелил дважды. Ещё двадцать шагов назад, снова пару выстрелов сделал. Снова отступил. На сей раз болты в основание пня воткнулись. Ага, арбалет для стрельбы на такой дистанции немного выше поднимать надо. Если представить, что пень — человеческая фигура, то не в живот наводить, а в грудь. Попадать получалось, не сложнее, чем из «воздушки» в тире. Но это на дистанции в полторы сотни шагов, потом промахи пошли один за одним. Александр понял: случись бой, дальше такого расстояния стрелять не надо, только болты попусту тратить. Пока получалось двадцать болтов без промаха попасть в пень со ста шагов. И набегался вволю, и ладони ссадил. Болты в пень глубоко входят, вытащить не просто, усилия нужны.

Пьер появился из монастыря часа в три пополудни, судя по положению солнца.

— Хвастайся!

Саша сделал двадцать выстрелов подряд. Потом оба направились к пню. Пьер болты считать начал.

— Надо же, все попали. Парень, с тебя будет толк. Собирай болты, идём обедать.

Саша болты выдернул, в сумку уложил. Пень уже весь в пробоинах, при таком интенсивном обстреле, как сегодня, долго не устоит.

В монастыре народу за то время, что Александр упражнялся, изрядно прибавилось. В трапезной монастыря за длинным столом сидел с десятков рыцарей, за соседним столом два десятка оруженосцев. Одни из рыцарей не могли позволить себе иметь оруженосца, а другие имели сразу троих. Их ведь и кормить, и одевать надо, вооружать, на всё деньги нужны.

За столом Александр перезнакомился с соседями по столу. Все парни молодые, одного возраста, все французы, только один испанец из Кастилии. Рыцари выпили вина, пошли разговоры. И чем быстрее опустошались кувшины, тем громче и оживлённее становились разговоры. У оруженосцев свои темы — хорошо ли кормит рыцарь, платит ли жалование? Александр молчал, слушал. Со слов оруженосцев, каждый мечтал стать рыцарем. Повоевать немного в походах, приобрести боевой опыт, разжиться трофеями, чтобы купить коня, оружие, шлем и прочую защиту, а уж потом прошение подавать маршалу тамплиеров Пьеру де Севри, что в Тампле, на Святой земле. Конечно, предпочтение отдавалось при посвящении в рыцари людям благородного звания. Но были примеры, когда рыцарями становились простолюдины за боевые заслуги. Нападения мамлюков и воинов арабских племён год от года становились чаще, рыцари несли потери, и если посвящать в рыцари только дворян, вскоре защищать Гроб Господень будет некому. И так некогда обширные земли Иерусалимского королевства сжались, как шагреновая кожа. С востока и юга уже владения мамлюков, многие города королевства захвачены. Собственно, Святой земле принадлежат несколько городов и крепостей на побережье Средиземного моря да Иерусалим с Вифлеемом. Главной опорой крестоносцев и рыцарей всех христианских орденов была Акра, известная как Акко или Птолемаида. Город на побережье был и портом, и крепостью с высокими стенами. По тем временам город был большим — сорок тысяч жителей. Таким количеством мог похвастаться не каждый город в Европе. Внутри города, на холме, был ещё рыцарский замок, Тампль, своего рода штаб. Там обитали рыцари всех орденов, в первую очередь госпитальеров и тамплиеров.

Из разговоров оруженосцев Александр многое узнал. Оказывается, рыцари сопровождали не только паломников, но и охраняли деньги. Из Европы: Франции, Италии,

Испании, Англии — пересылались деньги на Святую землю. Когда шёл такой караван, хорошо платили, но риск был очень велик.

Уже когда улеглись спать, Александр осмысливал услышанное. Оказывается, на Святой земле беспокойно и далеко не каждый караван доходит от Акры до Иерусалима, хотя расстояние невелико, как сказал один из оруженосцев — тридцать пять лье. Мера длины французская, четыре с половиной километра, если перевести в метрическую систему. И на каждом лье может случиться нападение. Александр уснуть долго не мог, хотя все уже спали. Оно ему надо? Рыцари, мамлюки? Уже есть славянские города — Киев, Туров, Переславль, Суздаль, Ладога, Белоозеро, Изборск, Псков, Юрьев, Полоцк, не проще ли туда добраться? Даже море переплывать не придётся, как из Марселя в Акру. Пешочком за пару месяцев дойдёт. Карты нет, местность не знает? Так язык до Киева доведёт, не зря поговорка существует. Долго, а если учитывать, что денег нет, так ещё и непросто будет, голодно. Воровать? Не для него! Грабить — тем более. Но молодость, жажда познать новое, попробовать себя — перевесила. Если уж случился такой казус, надо посмотреть. И Святую землю, и рыцарей. Всё же интерес был. С тем и уснул под утро.

С каждым днём рыцари прибывали. Когда число их приблизилось к трём десяткам, объявили сбор и выход. Рыцари ехали на конях, за ними, глотая пыль, шли оруженосцы, нагруженные, как вола. Каждый нёс свой узел с пожитками, арбалет да кое-что из вещей рыцаря, хотя за сёдлами на конях были перемётные сумы. Пара часов неспешного хода, и перед ними Марсель. Небольшой и грязноватый город, а чем ближе подходили к порту, тем сильнее пахло рыбой. Причал для рыбацких судов был поодаль, рыцари направились к грузовому причалу. Отсюда суда отплывали в Акру, курсировали челночными рейсами. Почти сразу началась погрузка. Лошадей по трапам заводили в трюм, люди располагались на палубе. Суточно, шумно. Ещё до вечера подняли паруса и отплыли. Торопились, хорошая погода не всегда благоприятствовала. А ещё, как сказали оруженосцы, нападали пираты. Масса их обосновалась на африканских берегах. Суда их небольшие, на каждом десять-пятнадцать членов команды, все отъявленные головорезы. Но судов пиратских в нападении участвует много, отбиться не просто. Однако на корабли, везущие рыцарей, берберы нападать опасались, рыцари могли постоять за себя. То ли дело суда купеческие, навар велик, а риска никакого. И товар отнимали, и команды в рабство забирали, тоже товар на продажу. Но погода благоприятствовала, а пираты показались единожды, разглядели рыцарей на палубах и благополучно ретировались. Кормёжка на судах однообразная — сухари, солонина, вино. И вино не столько для веселья. Хранится в бочках лучше питьевой воды и от кишечных эпидемий на борту спасает. Александру интересно. В первый раз в морском плавании, да ещё на парусном судне. Мачты скрипят, паруса хлопают под ветром. Поскольку суда, целый караван, недалеко от берегов шли, было занятно на местность смотреть. А ещё вода удивляла — то бирюзовая, то голубая, то серая. В воде стайки рыб видны, а то дельфины резвятся. Через несколько дней прошли между берегом и островом Сен-Тропе. Ныне курортные места, виллы для миллионеров.

Рыцари на корме, куда брызги не долетают, где кормчий. Оруженосцы на носу, где ветер и брызги, от нечего делать с утра до вечера болтают. Саша для себя много полезного почерпнул. Через несколько дней справа, совсем близко, прошли мимо острова Крит. Как только кто-то из оруженосцев назвал остров, Саше вспомнились из истории легенды о Минотавре, путеводной нити Ариадны, критском царе Миносе. Места древних цивилизаций, овеванные мрачной славой, прошедшие через века. Чтобы провести время, оруженосцы

играли в кости. Саша посмотрел со стороны, чтобы понять правила игры, но сам участия не принимал.

Что досаждало, так это стойкий запах конского навоза. Когда он первый раз спустился в трюм, был поражён. Кони не стояли, а висели на широких ремнях, пропущенных под брюхом, едва касаясь копытами настила, чтобы не укачало, не упали при волнении моря. Нефы, как именовали эти грузопассажирские суда, были вместительны, но валки при поперечной качке. Ещё хорошо, что рыцарям-тамплиерам разрешалось иметь не более трёх коней, а что творилось бы в трюме, будь у каждого тамплиера десяток? Единственную остановку сделали на острове Кипр. Люди на берег сошли, ноги размяли, всё же две недели в пути. Судовая команда бункеровалась свежей водой, вином, мукой, сушёным мясом, овощами. Большая часть пути до Акры пройдена. Но рассчитывать на пополнение запасов на Святой земле наивно. Часть земель там безжизненная пустыня, а оазисы уже захвачены воинами ислама — кочевниками или мамлюками. Наоборот, судами завозили в Акру и Иерусалим продукты, паломников, любые грузы, лошадей. На Кипре над кормовой надстройкой нефа натянули холщовый тент, как защиту от солнца. По мере приближения к Святой земле температура воздуха и воды ощутимо поднималась.

На Кипре, у соседнего причала, стояло ещё одно судно, на нём Александр впервые увидел госпитальеров. Госпиталь в изначальном значении слова означал гостиницу, приют для паломников. Постепенно в таких приютах стали не только давать пристанище и еду, но и оказывать медицинскую помощь. Орден госпитальеров был ещё известен как Мальтийский орден. Орден госпитальеров благополучно дожил до наших дней, в отличие от ордена тамплиеров. Причём даже российский император Павел был магистром ордена. Главным отличительным признаком госпитальеров был восьмиконечный красный крест, известный как мальтийский, на чёрной накидке или плаще. Главным магистром ордена был Фальк де Вилларе. На протяжении своего существования оба ордена — тамплиеров и госпитальеров, то сражались против ислама плечом к плечу, то бились друг с другом.

Рыцари обоих орденов давали обет безбрачия, послушания, бедности. Но, в отличие от госпитальеров, попавшие в плен тамплиеры не выкупались, так и умирали в плену или продавались в рабство.

Александр внимательно разглядывал рыцаря-госпитальера, разгуливавшего по палубе нефа. Но всё же пялиться на незнакомого человека неприлично. Тем более помощь Александра потребовалась. Рыцари, воспользовавшись стоянкой судна, сошли на берег и прямым ходом в припортовую таверну. Мяса поесть, вина выпить. Христианские религии освобождали от постов странствующих, больных и воинов. А рыцари выпить были не дураки и зачастую до невменяемости. Вот и сейчас шли гурьбой, поддерживая друг друга и распевая песню. У трапа замешкались. Каждый хотел явить благородство и пропустить вперёд другого. Но и тот, другой, тоже не лыком шит был, пьяно раскланивался. Кончилось тем, что два рыцаря свалились в воду, благо без кольчуг и шлемов, только в льняных рубашках и штанах. Проблема была в том, что плавать не умели, причём не только рыцари, вояки сухопутные, а даже моряки. Ещё издревле повелось, что под водой свой водяной царь — Нептун, властитель морей, беспокоить его не следовало. Оба рыцаря бестолково руками по воде стучали, поднимая брызги. На причал взобраться с воды невозможно — высоко. И глубина приличная. Неф при полной загрузке даёт осадку в шесть метров, да ещё под килём метра два, как не больше. Рыцари на причале закричали:

— Эй, на корабле! Сбросьте верёвку, если есть.

Александр понял: медлить нельзя, утонут рыцари, не добравшись до Святой земли. С борта судна в воду прыгнул солдатиком, успев на палубе сбросить башмаки. Сразу глубоко ушёл в грязную воду. Вынырнул, в несколько мощных гребков до рыцарей добрался. Одного за руку ухватил, дотолкал его до брёвен причала.

— Держись сам! Сможешь?

А рыцарь в бревно вцепился обеими руками, как клещ, не оторвать. Поневоле вцепишься, если смерть холодком обдала. Александр обернулся, второго рыцаря не видно, только пузыри воздуха идут, ко дну пошёл. Саша воздуха в лёгкие набрал, нырнул, увидел белое пятно — рубаху рыцаря. Заработал руками и ногами, успел ухватить рыцаря за ворот рубахи. А теперь вверх. Вынырнул, хватая ртом воздух. Рядом конец верёвки упал, кто-то из команды сбросил. С причала головы рыцарей видны, наблюдают. Нет чтобы помочь. Саша, с трудом удерживая тяжёлое тело, пропустил у него под мышками верёвку, махнул рукой:

— Тяните!

Рыцарь буквально пулей взлетел вверх. Тамплиеры хоть и пьяные, а физической дури много. Верёвку снова сбросили вниз. Теперь Саша обвязал рыцаря, что за бревно держался. И этого наверх выдернули. Шумные возгласы, слышны похлопывания.

— Эй, а меня забыли?

Ха, не рыцарь, сам выберется! Но всё же верёвку сбросили. Александр вокруг запястья намотал, второй рукой вцепился. Вытащили и его. Он сразу к тому, что тонул. А бедняга не дышит. Вот когдагодились знания, полученные в школе на ОБЖ. Перевернул рыцаря на живот, со рта его вода полилась. Александр приказал:

— Быстро поднять на руки, чтобы голова вниз свисала.

Секунду помедлили рыцари. Как же, оруженосец рыцарям приказывает, непорядок. Но сообразили — товарищу помочь надо. Ухватились, подняли.

— Вы, двое, ноги повыше.

И снова изо рта рыцаря вода хлынула.

— Кладите на спину.

Александр ухом к груди утонувшего приник. Сердце бьётся глухо, редко. Но не шевелится, глаз не открывает. Один из рыцарей совет дал:

— Надо ему в рот вина влить, самое первейшее дело.

Вот дурак-то, прости господи! Неприятно, но другого выхода нет.

Александр губами приник к губам рыцаря, пальцами его нос зажал, выдохнул сильно, потом ещё раз. Рыцари смотрели, округлив глаза. Не содомит ли оруженосец? Такого сразу на огонь надо. Ох, не зря папа Григорий IX писал в булле: «Нераскаявшиеся грешники подлежат публичному сожжению, а раскаявшиеся — вечному заточению».

Писано ещё было в 1232 году, как прямое указание для инквизиции и ордена иезуитов. Но рыцарь закашлялся, сделал вдох, другой, открыл глаза. Постепенно взгляд его осмысленным стал.

— Почему я на досках лежу?

— Море выпить хотел! — захохотали рыцари.

С судна по трапу сбежал капеллан. Роба красная, возмущён:

— Он порождение дьявола! — и пальцем в Александра тычет. — Он мёртвого оживил!

Рыцари отступили от лежавшего подальше, образовав круг. Обвинение серьёзное, грозит Александру судом и мучительной смертью. А капеллан не унимается — наконец-то и ему дело нашлось!

— Теперь и он дьявол, — и пальцем в ожившего рыцаря тычет.

Рыцарь сообразил, чем происходящее пахнет, схватил капеллана за запястье, рванул к себе, заставив встать на колени, сам к его губам в поцелуе приник. Капеллан вырвался, на ноги вскочил. Рыцарь тоже поднялся.

— Выходит, ты теперь тоже дьявол? А мы посмотрим!

С этими словами рыцарь капеллана с пристани толкнул, тот в воду рухнул. Все к краю причала подошли. Капеллан барахтается, кричит:

— Помогите!

Один из рыцарей сказал:

— Коли дьявол — спасётся. Тогда мы его на костёр определим. А утонет — значит, человек добропорядочный, хоть и сволочь.

И никто не бросил верёвку. Тишина, все наблюдают. Барахтался капеллан недолго, пустил пузырь и ко дну пошёл. Рыцари дружно встали на колени, стали молиться об упокоении души несчастного Мартина. Встав, сказали, что надо выпить за упокой, и вновь отправились в таверну. Александр стоял в шоке. Столько событий за последние несколько минут! Спасённый им рыцарь хлопнул его по плечу:

— Чего стоишь? Идём! Теперь мы побратимы. Меня звать Огюст.

— Меня — Александр.

— Я буду звать тебя Алекс.

Тамплиеры делились на четыре класса. Ниже всех слуги, оруженосцы. Выше их по положению капелланы, монахи, сопровождавшие рыцарей в походе, ведущие службы. Ещё выше — сержанты. Эти из простолюдинов, доблестно проявившие себя на поле боя, имели право на лошадь, кольчугу, шлем, в общем — полную защиту. Но не имели права носить белую накидку с крестом, как рыцари. Во главе рыцарей стоял магистр, в областях от его имени руководили командоры, а в крепостных гарнизонах — маршалы или генералы. Рыцари обычно ели за одним столом, а прочие за другим. Поэтому приглашение Огюста было своего рода наградой. Пока шли к таверне, рыцарь сказал:

— Как возьму первый трофей, даже будь это очень дорогая вещь, она твоя.

Если рыцарь давал слово, держал его.

В таверне продолжилась настоящая пьянка. Об Александре никто не вспоминал, он пристроился в дальнем конце стола. Кружку вина ему тоже налили, но он только для вида пригубил, когда говорили тосты. Все — за чудесное спасение рыцаря.

— Огюст, видимо, ты совершал в жизни благородные поступки, раз Господь тебя спас!

— А как же! Сколько мамлюков срубил вот этой рукой!

Огюст поднял руку. Рыцари взревели, выпили. Воистину — бездонные бочки, куда в них только лезет? Впрочем, как уже понял Саша, развлечений у рыцарей не много. Рыцарские турниры, ристалища да выпивка. А бóльшая часть жизни — опасный ратный труд. Чай, Святая земля — не Европа.

Когда многие рыцари уже попадали со скамей или уснули за столом, Александр подхватил своего Пьера. Руку его себе на шею забросил, обнял, да так и довлечил до судна с превеликим трудом. Хуже всего было по трапу подниматься. Под приличным наклоном, узок для двоих и без поручней. Качнись рыцарь, рухни в воду — камнем на дно пойдёт. Но повезло, взошли на корабль. Александр рыцаря на корму провёл, под навес уложил. Постоял, раздумывая — за другими пойти в таверну или это забота их оруженосцев? На нос нефа прошёл, где оруженосцы в кости играли, сказал о рыцарях. Отмахнулись:

— Прочухаются — сами приползут. Судно только утром в море выходит.

Э, не всё так просто в отношениях рыцарей с оруженосцами. К Саше один из оруженосцев подошёл.

— Сержантом хочешь стать? — завистливо спросил он.

— Почему ты так решил?

— За спасение рыцаря положено. А ты сразу двух вытащил. Свидетелей куча.

— Я в сержанты не рвусь. А кто тебе не давал в воду прыгнуть, как я?

— Плавать не умею, я сухопутная крыса.

Некоторые из рыцарей ночью пришли, другие утром, а одного оруженосцы принесли, до сих пор на ногах стоять не мог. Запах перегара на палубе столь силён, что забивал запах конского навоза из трюма.

Вышли в море, подняв белый парус с красным крестом. Все суда, перевозившие крестоносцев или рыцарей разных орденов, имели паруса либо красного цвета, либо белые с красным крестом.

Море спокойное, попутный ветер, плавание спокойно проходило. На двадцать первый день показался плоский берег, затем стали различимы строения.

— Акра, — зашептались оруженосцы.

Рыцари себя в порядок приводить стали. Акра для них — столица рыцарская, один из немногих оплотов христианства на Востоке. По мере приближения к берегу стали видны детали. Высокие каменные стены вокруг города, на невысоком холме настоящий замок, с башнями. Один из оруженосцев, бывавший в Акре, сказал:

— Тампль, так замок называют. И мы там будем жить. Скучное место. Камни, пыль, не то что в благословенной Франции. Тут дожди раз в три года и деревьев нет.

— Совсем? — удивился Александр.

— Дальше, к Иерусалиму. Смоковницы, финики, оливы. Это где погода не такая засушливая и поливают.

Корабль ошвартовался у причала. В порту ещё несколько кораблей и куча мелких, при одной мачте, судёнышек, называемых фелюками. Пара часов на разгрузку, и рыцари, ведя в поводу застоявшихся коней, но при полном параде — в накидках, при оружии, двинулись через весь город к рыцарскому замку — Тамплю. За ними шли оруженосцы с грузом. Александр смотрел по сторонам, ему было интересно. Город имел восточные корни — узкие, кривые улицы, на перекрёстках небольшие базары, где продавалось всё — ткани, лепёшки, фрукты, оливы, финики, фейхоа, гранаты, оружие — как европейское, так и арабское. То ли трофейное, то ли торговые связи развиты, несмотря на военные действия сторон. Торговля выгодна всем, а кроме того, торговцы, как лазутчики, доставляют сведения о противнике. Казалось — Тампль недалеко от порта, а добирались до него часа два, покрывшись к концу пути желтоватой пылью.

Рыцарей встречал сам магистр Гильом де Боже, по обе стороны от него шеренга рыцарей. Белые накидки с крестами, треугольные, слегка выпуклые щиты. Сбоку магистра — монашествующие в чёрных рясах. Отслужили торжественный молебен. Прибытие подкрепления всегда событие. На всей Святой земле насчитывалось девятьсот рыцарей, из них тамплиеров немного менее трёхсот, остальные из других орденов.

Рыцари расположились в отведённых им комнатах, оруженосцы — в общем зале. Но мест хватило всем, замок явно был рассчитан на значительно большее количество квартирантов.

На несколько дней вновь прибывшим предоставили отдых. Александр из любопытства обошёл весь замок, прошёлся по мощным стенам, как будто знал, что в будущем пригодится. А потом первый боевой поход, о котором оповестили заранее. Александр рьяно взялся за оружие и амуницию своего рыцаря. Наточил и протёр маслом меч, осмотрел кольчугу. Кто-то из рыцарей имел кольчужные штаны, но для этого деньги нужны. А вот копья оруженосцы получили для рыцарей из арсенала. Четырёх метров длины, древко из ясеня, листовидное стальное остриё. Для конного рыцаря копье — оружие первого удара. Почти сразу или ломается, или застревает в теле врага. Самое главное и страшное — сшибка конницы. А дальше рубка.

Во дворе замка готовился обоз паломников. Телеги одноосные, с высокими бортами, покрытые высоким тентом, как защита от солнца. В таких повозках получали места пилигримы богатые, другие должны идти пешком. Несколько повозок грузились водой и провизией, в дороге есть только два селения, где можно переночевать и пополнить запасы воды. По крайней мере, так объяснили Александру оруженосцы, уже ходившие в Иерусалим. Насколько мог понять Саша, паломников набиралось сотни две, сплошь мужчины, причём из самых разных стран, поскольку слышалась разноречивая речь — испанская, итальянская, французская, английская и другие, понять которые Александр не мог.

Несколько дней сигнала к выступлению магистр не давал. Только позднее Александр узнал, что ждали прибытия рыцарей и паломников из Иерусалима. Свободны ли для передвижения дороги, не ушла ли вода из колодцев, да много каких сведений предстояло получить, прежде чем выпустить колонну на Иерусалим, к Храму Гроба Господня. Фактически вся Палестина, как назывались эти земли, была окружена врагами, ведущими активные действия. И требовалась осторожность. Знали, готовились, а конвой прибыл под вечер неожиданно. Причём прошёл по дороге спокойно, без нападения арабов. Паломников это успокоило, но в рыцарей беспечности не вселило. Чаще всего мамлюки или арабы — кочевники нападали как раз на пути в Иерусалим. Люди деньги с собой несли, драгоценную утварь. Мамлюки не только урон рыцарям нанести хотели, но и паломников ограбить. Для небогатой страны, какой был тогда Египет, деньги паломников представляли ценность. Как понял Александр из разговоров, нападения происходили почти на середине пути. Если мерить современными мерками, от Акры до Иерусалима полторы сотни километров. Помощь в случае нападения быстро не придёт ни из Акры, ни из Иерусалима. В Храме при Гробе Господнем тоже отряд рыцарей дислоцирован.

А ещё подумал про себя — сомнительно, что мамлюки будут сидеть в засаде неделями, ожидая подхода конвоя. Например, этот, который собирается, будут сопровождать сразу три десятка тамплиеров да ещё оруженосцев четыре десятка. Чтобы их одолеть, нужно иметь вдвое, а то и втрое превосходящие силы. Где такую массу воинов прятать неделю, а то и две? Лошадей поить-кормить надо, а колодцы в этих местах далеко друг от друга. К тому же у христиан сторонников много, если заметят, донесут. Тогда мамлюки сами могут жертвами стать. Отсюда и вывод следует — осведомитель, лазутчик в городе должен быть. Только вопрос снова напрашивается — как сведения быстро передать? Телефона нет, костёр для подачи сигнала развести не дадут. Лодка? Ну раз лазутчик о выходе конвоя сообщит, два. Но портовая охрана быстро сопоставит выход лодки в море с нападением. Рыцари, как и другие жители города, не обладают той массой знаний, что современный человек, но в уме, сообразительности им не откажешь, мозг человеческий таким и остался. Но все предположения Александр держал при себе. Для начала надо самому сходить к Храмовой

горе, опыт приобрести.

По его прикидкам, на дорогу уйдёт не меньше недели, это при благоприятном стечении обстоятельств.

Утром протрубила труба, звук противный, как будто застонал огромный зверь. Это сигнал сбора. Рыцари и оруженосцы собрались быстро. Тамплиеры на конях, при щитах, в шлемах и броне, в седельных петлях копья. Паломники выход задерживали: то вещи не все успели в повозку уложить, то другие дела находились. Для похода магистр назначил старшего из числа рыцарей, им оказался Огюст, как имевший наибольший опыт проводки обоза паломников. Огюст медлить не стал, приподнялся в стременах, махнул рукой:

— Выходим!

Видимо, построение было уже отработано. Без команд вперёд выехало два десятка рыцарей, колонной по два. За ними шагали оруженосцы. У Александра за спиной узелок со скромными пожитками, на его плече арбалет, через плечо на ремне сумка с арбалетными болтами. За оруженосцами, в первой повозке, капеллан из крепости, а дальше полсотни конных повозок, за ними пешие паломники. В арьергарде десятков рыцарей. Поначалу продвигались медленно, потом втянулись. Ход тормозили пешие паломники. Вокруг, насколько видел глаз, тянулась пустыня. Кое-где островки травы, но чаще голая пустынная земля, камни. С моря дул ветер, принося влажный воздух. По мере того как дорога отворачивала влево, удаляясь от моря, воздух становился сухим. К полудню жара, скрипят колёса повозок, скрипит песок на зубах. Да ещё и дорога имеет едва видимый подъём. Александр, отвыкший ходить пешком далеко, к вечеру устал. С завистью он поглядывал на рыцарей — едут, покачиваясь в сёдлах, переговариваются. Жарковато им. На голое тело льняная рубаха надета, на неё стёганая ватная куртка-поддоспешник, потом кольчуга, а поверх неё белая накидка. Пот по лицу градом катился, периодически к фляжкам с вином прикладываются. Вино разбавлено водой, не столько для удовольствия, сколько для гигиены. В жарком климате в воде инфекции развиваются быстро. Понятно, что об инфекциях ни рыцари, ни даже лекари ничего не знали. Но после массовых кишечных заболеваний выводы делали. Получалось — кто пил вино, болели реже, спирт, пусть и в малых концентрациях, обеззараживал. А оруженосцы пили простую воду, вино не по чину. Так же и паломники.

Первый день похода прошёл благополучно. Переночевали в пустыне, у колодца. Момент важный, лошадям тоже пить надо. И воды для них с собой на весь путь не возмёшь, лошадь за один раз спокойно ведро, а то и два выпивает. Напились и люди и животные свежей воды, спать улеглись. Паломники для этого кошмы брали, из тех кто дальновиднее и богаче. Другие, как и оруженосцы, спали на голой земле, благо нагрелась за день.

Глава 2

«Мамлюки»

И второй день пути прошёл спокойно. К ночи добрались до небольшого селения, ночевали в лучших условиях, чем на земле. Есть вода, постоянный двор, конюшня. Даже горячую похлёбку, называемую луковым супом, дали. И всё для паломников и рыцарей с оруженосцами бесплатно: находились богатые доброхоты, желавшие облегчить участь людей, совершавших трудный путь к святым местам.

После завтрака — финики, сушёные дыни; двинулись дальше. Многие паломники в пути молились, чтобы не наскочили арабы. Всё же начался самый опасный участок пути. Да ещё и местность холмистая пошла. В лощинах, за возвышениями, удобно скрываться коннице. Арабы не воевали пешими, слишком велики расстояния от колодца до колодца, как раз на дистанции перехода конного обоза. Нападали всадники не только на конях, это мамлюки, но и на верблюдах, чаще кочевые племена. Верблюд неприхотлив, есть может колючки, а без воды легко неделю обходится. А скорость развивает немногим меньшую, чем конь. Благодаря широким копытам легко проходит по пескам, где вязнут кони. Будучи в караване, груз несёт вдвое больше, чем лошадь. Практически идеальное выючное и верховое животное для пустынных земель.

В пути уже были часа два с половиной — три, как рыцари внезапно остановились. Завыла труба. Александр ничего не понял. Привал? Тогда почему труба воеет? Сзади, от арьергарда, вперёд пронеслись рыцари, сразу рассыпались в шеренгу, достали из петель копья. Александр сошёл с дороги в сторону, чтобы лучше видно было. Навстречу конвою скакали всадники, много, все в светлых развевающихся одеждах, хорошо защищающих от солнца. На головах тюрбаны. Пыль, всех всадников не видно, но их явно больше, чем рыцарей. Когда до них оставалось метров триста, лавина развернулась в цепь. Ого! Да их сотни полторы-две. Александр кинулся к оруженосцам. А там уже крики:

— Мамлюки! Приготовить оружие!

Почти у всех оруженосцев арбалеты, только у нескольких трофейные сабли. Александр, как и другие, расстегнул сумку, взвёл рычаг арбалета, положил болт. У нескольких оруженосцев были арбалеты со взведением «козьей ногой». На поясе эта «нога» и болталась. Арбалетчик нагибался к арбалету, пристёгивал «ногу», распрямлялся, взводя плечи. О! Времени много уходит, и в стеснённом пространстве или лёжа такой арбалет не взведёшь. Но такой арбалет мощнее рычажного, как у Саши. Арбалетчики выстроились шеренгой за рыцарями, каждый за своим. Рыцари двинули коней, начали разгоняться. Если стоять, удар конной лавы просто сомнёт. Рыцарей намного меньше, чем мамлюков, но выучкой они сильны, экипировкой. Сшиблись. Глухой удар, треск ломающихся копий, звон железа, конское ржание, крики людей, вопли раненых. Жуткая какофония, а над местом схватки пыль облаком. От мамлюков вырвалась пара десятков всадников. Размахивая саблями, поскакали на оруженосцев. Только они отделяют сейчас воинов ислама от паломников, лёгкой добычи. Как только приблизились, арбалетчики стрелять стали. Кто-то метко болт пустил и оружие перезаряжать сразу стал, но нашлись такие, кто, единожды выстрелив, бросился наутёк. Дурные, разум от страха потеряли. Сейчас защита в стойкости, массовой стрельбе, всё равно лошадь догонит бегущего. От арбалетчиков мамлюки серьёзные потери

понесли. Даже если половина оруженосцев промахнулась, то всё равно десяток мамлюков ранены или убиты, с лошадей попадали. Александр выцелил мамлюка, пустил болт. Не глядя, попал или нет, принялся заряжать арбалет. Только вскинул готовое оружие, а мамлюк уже рядом, в десятке метров. Руку с кривой саблей вскинул, готовясь рубить, рот в крике раззявлен. Александр выстрелил ему в грудь. Мамлюка из седла выбило. Оказалось — последний, кто из мамлюков ухитрился до оруженосцев добраться. Только и слуги рыцарей не все своим патронам верны, сбежали к обозу, остались только стойкие, смелые, десятка два. Оружие приготовили, но главный бой впереди идёт. Переглядываются, нет среди оруженосцев старшего. Александр понял — теряются драгоценные секунды, принял решение взять командование на себя. Только послушают ли его? Есть значительно более старшие по возрасту. Но крикнул:

— Рыцарям помогать надо! Вперёд, за веру, за орден!

И получилось. Людей воодушевить надо, за собой повести. Сам первым вперёд пошёл, за ним ещё один, другой. Александр тактики рыцарского боя не знал, действовал по наитию. Может, на месте стоять надо было, прикрывать паломников? Но рассудил так: если рыцари полягут, не поддержать их в трудную минуту — вырубят паломников. Рыцари сейчас — единственная надежда. Чем ближе место схватки, тем быстрее шаг делали. Без команды, само получалось. Но рыцари мешают стрельбе, заслоняя мамлюков. Александр закричал:

— Обходим слева!

Арбалетчики послушались, повернули. Мамлюки боем связаны, не видят опасности. До них полсотни метров, а то и меньше. Александр арбалет вскинул, затем другие. Щелчки тетив, десяток мамлюков пал. Обратили внимание арабы, а вырваться не могут. Рыцарей меньше, но действуют умело, боем противника связали. Мечи длиннее сабли, близко рыцарь к себе не подпускает, а с фланга один рыцарь другого прикрывает. Александр, как и другие арбалетчики, перезаряжаться стал. Ещё один нестройный залп, и вновь среди мамлюков потери. Вот теперь оруженосцев заметили. К ним развернулись сразу несколько всадников, пустили коней вскачь. Арбалеты оруженосцы зарядить не успели. Полминуты не прошло, мамлюки уже рядом. Несколько арбалетчиков не выдержали, побежали. Обороняться-то им нечем, ни сабель, ни мечей нет. Мамлюки за ними кинулись, принялись рубить убежавших. На Александра всадник летит, он арбалет на землю бросил, схватил валявшееся у ног рыцарское копьё, выставил, зажав под мышкой и вцепившись обеими руками в древко. Конь грудью на копьё напоролся, лезвие глубоко в тело животного вошло, даже часть древка. Конь завалился на бок, мамлюк ноги из стремян вытащить не успел, его придавило. Ногу правую араб из-под туши коня вытащить не может, хоть и пытается. Александр арбалет с земли поднял, подбежал и стал прикладом по голове противника бить. Один удар, другой, третий. Мамлюк уже не шевелится, а Саша бьёт и бьёт. Его остановил другой оруженосец:

— Оставь, арбалет сломаешь, лучше заряди.

Приклад арбалета уже в крови, липнет. Саша поднял тюрбан, слетевший с головы мамлюка при падении, приклад обтёр, арбалет взвёл, положил болт в жёлоб. А к ним уже трое мамлюков скачут, что за оруженосцами гнались. Вырубили убежавших, добыча лёгкая, безоружная. И теперь решили разделаться с оставшимися. Дудки! Арбалетчики уже оружие приготовить успели. С десяток оруженосцев осталось уже, кто не убит и не ранен. Как только приблизились всадники, сразу залп. Мамлюков трое, арбалетчиков десяток, половина болтов по-любому в цель угодила, не во всадника, так в коня. Оруженосцы радостно завопили, одержав победу. Александр не медля арбалет зарядил, к рыцарям повернулся.

Теснят их мамлюки, числом берут. Памятуя о пережитом ужасе, когда на него мамлюк скакал, а у Саши арбалет не заряжен, а другого оружия нет, он подбежал к убитому противнику. Хотя и неприятно было, расстегнул на трупе пояс с ножнами, на себя надел. Подобрал с земли саблю. Необычно широкое лезвие, а кривизна клинка градусов сорок пять, но в руке сидит удобно. Саблю в ножны определил, почувствовал себя увереннее. Правда, понимал, что владеть саблей можно, если навыки есть, да кто его учил? Пьер показал только, как пользоваться арбалетом, на том спасибо. Арбалетчики к месту сечи побежали. Надо помогать рыцарям, от исхода схватки зависят жизни всего конвоя — и рыцарей, и паломников, и оруженосцев. И снова стрельба с фланга по противнику. Мамлюков значительно меньше стало, да и боем связаны. Тем не менее арбалетчики угрозу представляют, от мамлюков двое всадников на оруженосцев кинулись. Арбалеты разряжены, добыча лёгкая, сразу четверых зарубили. На Александра всадник скачет, рядом уже. Он арбалет отбросил, выхватил саблю и, когда мамлюк уже ударить готов был, упал на землю, подставив под удар клинок. Звякнуло соударяемое железо, конь по инерции дальше промчался. Мамлюк уже за другим оруженосцем погнался. Александр арбалет зарядил, оружие вскинул и болт арабу в спину всадил. И второго противника кто-то исхитрился убить. Спасла Сашу трофейная сабля, но неудобно с ней, ножны в ногах путаются с непривычки.

А рыцарей и их противников всё меньше, хорошо, если по десятку с обеих сторон. Земля вокруг завалена телами — людей и лошадей. Несколько коней без всадников стоят у тел своих бывших владельцев, другие разбежались по округе. Жёсткая, даже жестокая битва. Для Александра шок, никогда столько крови и мёртвых не видел. При других обстоятельствах ему бы плохо сделалось, застыл бы соляным столбом. А ныне не до эмоций, живым бы самому остаться. Чтобы уцелеть, приходилось действовать, адреналин в крови бушует, не даёт расслабиться.

Но и оруженосцев, кроме Александра, всего двое осталось. Один ранен, рука в крови. Александр к уцелевшему подошёл:

— Болты ещё есть?

— Есть.

— Идём, поможем рыцарям, изнемогают.

Зарядили арбалеты, побежали к дерущимся. Движения рыцарей и мамлюков уже не такие стремительные, устали обе стороны. Никто уступать не хочет, держатся из последних сил. Зашли к мамлюкам в тыл. С полусотни шагов выстрелили. Получилось — в спину. С одной стороны, не честно, не по-рыцарски. Но чем мамлюки лучше? Исподтишка, значительно превосходящими силами напали, да и оруженосцев рубили без жалости, когда трусившие побежали. Поэтому Александр угрызений совести не испытывал.

Но вот один рыцарь упал, за ним другой, потом мамлюк. Звон оружия всё реже и тише. Александр оружие перезарядил, ещё один выстрел сделал. В живых оставались два мамлюка против двух рыцарей. Не выдержали, коней повернули — и нахлёстывать. Один успел на ходу срубить оруженосца, который недалеко от Саши стоял. Выстрелить бы по ним, да арбалеты не заряжены. Рыцари преследовать противника не стали, сами устали, как и лошади. Оба с седел на землю спустились. Один поранен, качается. Второй цел, на ногах стоит крепко. Осмотрелся вокруг, в бою не до того. Мёртвые вокруг, один Александр арбалет сжимает. Да в двух сотнях шагов, как не дальше, обоз паломников. Паломники из повозок вылезли, в кучу сбились.

Рыцарь шлем с бармицей, кольчужной сеткой, закрывающей лицо, стянул. Так это же

Огюст, которого Александр из воды вытащил!

— А ты, парень, не промах! Не струсил, до конца держался. Твой рыцарь Пьер пал в числе первых. Пойдёшь оруженосцем ко мне?

— Пойду, — твёрдо ответил Саша.

Раз в такой сече рыцарь уцелел, стало быть, опытен и удачлив.

Видя, что бой закончился победой рыцарей, от обоза потянулись люди, в том числе несколько оруженосцев. Рыцарь сразу пальцем ткнул:

— Вы, презренные трусы, ко мне!

Струсившие в глаза не смотрят. Бросить рыцаря в бою, без поддержки, равно измене или предательству. Подошли, вид у Огюста грозный.

— Тела павших рыцарей погрузить на подводы, оружие собрать. И рыцарское, и трофейное.

Один из оруженосцев сказал:

— Свободных повозок нет, господин.

— Плевать! Пусть паломники пешком идут. Они свои жизни отдали за них, и это лишь малая плата с их стороны. Рыцари достойны почётногo захоронения.

Оруженосцы, озираясь, стали сносить тела рыцарей к обозу. И ни один паломник слова против не сказал. Их поход к Храмовой горе ещё не закончен, пройдено немногим более половины, и рыцарь сейчас и единственная надежда, и вершитель судеб. Сначала погрузили тела, потом оружие.

А рыцарь новое распоряжение отдаёт:

— Собрать коней!

Рыцарские кони выносливы, их всадник в доспехах весит много, не каждая лошадь годится под рыцаря, а потому стоит дорого. Арабские скакуны тоже ценятся не меньше рыцарских, потому как быстроноги, могут пробежать без отдыха большое расстояние. Оруженосцы перечить не смеют.

А Огюст Александру:

— Чего стоишь? Выбирай любого коня по нраву. Хоть рыцарского, хоть арабского. Будешь конно меня сопровождать. И это, в обозе из трофейного оружия саблю себе подбери, да не мамлюкскую кривую. Видел я в бою, как кто-то из арабов дамасской сабелькой размахивал. Самое оружие, её ищи.

— Да как же я найду, если не видел никогда?

— Лёгкий изгиб клинка, на лезвии узор, как паутиной. И обязательно ножны сыщи, хозяин сабли где-то здесь валяется.

Александр так и сделал. В обозе долго рылся среди трофейного железа, саблю нашёл по описанию. С ней вернулся к месту боя. На убитом ножны нашёл, для чего мёртвое тело переворачивать пришлось. Снял вместе с поясом, саблю в ножны вогнал, подошла. Себя опоясал. Сабля с виду простенькая, без украшений, зато ножны богато отделаны серебряной всечкой. Но раз Огюст, имевший практику стычек, на саблю указал, значит, оружие того заслуживает. Но у Огюста спросил:

— А почему не меч рыцарский?

— Правильный вопрос. До рыцаря ты не дорос, права не имеешь меч носить. Вот когда магистр посвятит за заслуги, тогда из его рук получишь. Меч рыцарский от рыцаря к рыцарю переходит или по наследству, от отца к сыну. Рыцарский меч носить — честь!

— Сабля почему именно эта?

— Отвечу. В Дамаске клинки куют очень хорошие. Такая сабля лёгкая, в руке прикладиста, не тупится. И не смотри, что вида простого. Оружие не украшением славно, а одержанными победами. Понимающий человек за саблю эту несколько скакунов чистокровных даст. Похоже, владелец сабли не простой человек у мамлюков был.

Когда обоз готов был продолжить путь, тронулись. Впереди единственный из уцелевших рыцарей, за ним верхом Александр, в кильватер ему на конях несколько уцелевших оруженосцев, а следом обоз. Поздно вечером добрались до селения, где смогли попить свежей воды, поесть, отдохнуть. И только следующим днём к вечеру показался Иерусалим. Среди паломников радость. Как же, живые дошли. От риска, опасности в пути паломничество особо ценится. И не все желающие в христианском мире, даже из числа богатых и желающих совершить хождение на Святую землю, решатся на такой поход.

Остановились паломники на огромном постоялом дворе, а рыцарь, с оруженосцами и повозками с павшими рыцарями, оружием, проследовал к Храму Гроба Господня. Не зря тамплиеров называли ещё храмовниками. Штаб их, если сказать по-современному, находился при Храме, в отдельной пристройке. А обитали рыцари в соседнем доме. Монахи принялись отпевать мёртвые тела, готовить к погребению. А Александр повалился на лежанку без сил. Изматывающая жара, бой с мамлюками, долгий переход, большей частью пеший, просто вымотали. Да ещё от нападения мамлюков неприятные, страшные впечатления. Кусок в горло не лез, хотелось выспаться и забыть бой, как страшный сон. Толстые стены здания сохраняли внутри относительно комфортную температуру. Да ещё оконные и дверные проёмы без стёкол и дверей, сквозняки. Выспался отменно, а утром побудка на молитву, завтрак. Рабы уже могилы для рыцарей вырыли, после полудня похороны. Событие для Александра тягостное, но присутствие необходимо, всё же его рыцарь пал. Потом тризна. И только к вечеру Александру удалось пройти в Храм. Побывал в Кувуклии, вроде часовенки над Гробом Иисуса, притронулся к каменной плите, закрывавшей могилу. Потом к Голгофе подошёл. Из пола небольшое возвышение. Двенадцать с лишком веков назад на этом месте стоял крест, на котором распяли Иисуса. Священные места для каждого христианина. Так и прошёл его первый день на Святой земле, Храмовой горе.

Рыцарей в Иерусалиме несколько сотен, разных орденов. А паломников ещё больше. Утром и днём в Храме не протолкнуться. После скромного завтрака — лепёшка, разбавленное вино, финики — Огюст нашёл Александра:

— Отдохнул, пришёл в себя? Пора за дело браться. Седлай коней, поедem за город.

У Александра опыта обращения с лошадьми нет. Конюх показал, как седлать надо, тоже свои премудрости есть, как и в любом, даже простом на первый взгляд деле. Саша лошадей к жилию подвёл. Огюст вышел, покачал головой:

— Шлем возьми, а я — палки.

От этих слов Саше нехорошо стало. Неужели бить будет? Выехали за городские стены, спешились. Коней пустили траву пощипать. А Огюст палку Саше вручил, сам вторую в руку взял.

— Нельзя учёбу с настоящим оружием начинать. Сам поранишься или меня порежешь. Вместо меча или сабли палки будут. Итак, пеший бой. Прими правильную стойку. Правую руку в локте согни, боком к противнику повернись. Отражай мою атаку!

Палка так и замелькала в руках рыцаря, некоторые удары Саша успевал отразить, а другие, бóльшая их часть, достигали цели, больно били по пальцам, по бокам, а то и в грудь. Саша крепился, хотя удары палкой были чувствительные. Хорошо, на голове шлем, поскольку

несколько ударов в голову пришились, немного оглушили. Он уже устал через полчаса, а рыцарь неустойчив. Палкой работает, как мельница крыльями под ветром. Чувствовалась хорошая физическая подготовка. С небольшими перерывами тренировались до обеда. Пальцы в кровь сбиты, саднили. Огюст усмехнулся:

— В следующий раз надевай перчатки, а лучше всего обматывай лентами из ткани. И не обижайся, меня так же учили. Завтра продолжим.

Сели на коней, не спеша в город поехали. Александр спросил:

— Почему меня оруженосцем взял?

— Мой же убит.

Саша ответом разочарован был, а рыцарь продолжил:

— Если серьёзно, то потому, что не струсил, не побежал, как некоторые. Рыцарь за спиной должен чувствовать опору, крепкий тыл. А ты устоял. И ещё. Кто, кроме тебя, в воду бросился, там, у корабля? Один ты. Стало быть — к беде ближнего своего, товарища по оружию, равнодушен. Редкое ныне качество. Я понятно объяснил?

— Более чем.

— Как в Акру вернёмся, всем воздастся по заслугам. Оруженосцев, что струсили, назад во Францию отправят и больше ни в один орден не возьмут.

И начались ежедневные упражнения на палках. Пока пешие, на коне — особое искусство, к нему подступают позже. Александр упорен был, не отлынивал. Понял по единственному виденному бою — выживает сильнейший, кто оружием мастерски владеет, смел, решителен. Конечно, рыцарей тоже много полегло, но числом противник превосходил. Оруженосцы, вначале подтрунивавшие над Сашей, умолкли. Он на их выпады и уколы не реагировал. Время проводили пустобрёхи за вином, игрой в кости. Часть рыцарей оказались истовыми католиками, не пропускали ни одну службу, другие чревоугодничали и предавались выпивке, только малая часть проводила поединки учебные между собой. И только единицы из них обучали, натаскивали оруженосцев, понимая — это соратники, способные помочь в бою. Постепенно само получилось, что стали занятия проводить вместе. Огюст учил мечному бою, Эжен — владению копьём в бою, Альберт — действиям со щитом. Щит — чисто рыцарская принадлежность и при умелом обращении не только средство защиты. Подними нижним, острым, краем вверх и ударь противника, можно рёбра сломать.

Полностью освоить все премудрости не удалось. Сформировали отряд из трёх десятков рыцарей и их оруженосцев для сопровождения паломников в Акру. Редко кто из пилигримов приезжал в Иерусалим навсегда. Поклониться Гробу Господню, посмотреть на Голгофу, да и домой пора. У многих дом, семья. А путешествие на Святую землю долгое — морем три недели в одну сторону, потом ожидание конвоя из Акры в Иерусалим, сам переход недельный да обратная дорога. Выходило на круг в лучшем случае три, а чаще четыре месяца. Это если от Марселя считать, а многим из этого портового города ещё до своего города добраться надо. Обратно в Акру, сильно поиздержавшись, паломники шли. Нападения мамлюков были, но реже. Значительно привлекательнее пилигримы, идущие из Акры в Иерусалим, при деньгах, пожить можно.

Походный строй незыблем. Впереди рыцари, за ними оруженосцы, потом обоз, в арьергарде небольшое охранение из рыцарей. Под лёгкий уклон к морю и шагало, и ехало быстрее. На второй день пути вышли к месту боя. Александр сразу местность узнал. Но вот удивительно: должны быть трупы, вернее — что от них осталось, от мамлюков. А их

нет. Не может быть, чтобы стервятники склевали или шакалы степные дочиста сожрали. Уж кости-то должны остаться. Вечером спросил у Огюста, куда останки девались.

— На повозках арабы вывезли. Для них погибшие в войне с неверными — герои, и их предать земле необходимо.

Александр удивился:

— Они же враги!

— Мёртвые уже не враги. А другое — нам польза. Представь — все места боёв усеяны полусгнившими трупами. Вонь, миазмы. И как паломникам мимо идти? Они к Иисусу идут, как на чистилище, а тут эдакое непотребство. Нет, уж лучше пусть убирают. Арабы знают, что мы не трогаем похоронные команды, иной раз днём собирают. Они не воины — селяне. И им доход.

— Доход? — удивился Саша. — С убитых одежду снимают? Мародёры?

— Нет, по исламу это грех. За каждого преданного земле мамлюки деньги платят. Небольшой, но всё же доход.

— Могильщики, одним словом.

— Посмотри вокруг. Что вырастет в этой бесплодной пустыне? На что жить?

Хм, да Огюст прагматик, даже философ. А рассудив, так и правильно. В Акру въехали через неделю пути. Пилигримы сразу к пристани направились. Редко бывало, чтобы у причалов стояло несколько кораблей сразу, способных вместить всех прибывших из Иерусалима. И неизвестно, когда прибудет следующее судно, никакого расписания не было, суда из Марсея или других портов уходили по мере заполняемости.

Отдохнули после перехода ночь, а утром сбор рыцарей ордена. Александру интересно, в первый раз такое зрелище. Увидеть почти всех рыцарей в сборе — нечасто бывает. Сперва слово взял командор. Сказал об угрозе Святой земле от кочевников и мамлюков, но тему быстро прикрыл, все и так в курсе. Потом перешёл на конвой, где рыцари понесли потери.

— Среди оруженосцев нашлись такие, которые трусили, бросили тень на орден.

Рыцари зашумели возмущённо. Такой проступок бросает тень на орден. Всё происходило на глазах у паломников, они разнесут увиденное по всей Франции.

— Вывести мерзавцев! — приказал командор.

В круг перед рыцарями вывели оруженосцев. Выглядели они теперь жалко, оглядывались по сторонам, пытаясь снискать сочувствие, но видели лишь осуждающие, презрительные взгляды.

— Что будем делать? — спросил командор.

— Наказать и изгнать со Святой земли! — дружно взревели сотни глоток.

От рёва грубых мужских голосов в небо взмыли стаи птиц с крыш домов.

— Как наказать? — продолжил командор.

— Бить кнутом, изгнать из Тампля!

— Вы слышали, презренные? Решение рыцарей — закон. Приступайте.

Тут же рабы выволокли на площадь бревно. С одного из оруженосцев содрали одежду, уложили на бревно лицом вниз. Один из рабов уселся оруженосцу на ноги, другой держал руки. Вызвался стегать кнутом один из рыцарей. Саша полагал, что для этой экзекуции должен быть палач. Но в ордене существовали свои порядки. Рыцарь нанёс три удара бичом из бычьей кожи. Бывший оруженосец вопил благим матом, поперёк его спины вспухли багровые рубцы.

— Следующий!

Наказаны были все, их тут же изгнали из рыцарского замка, запретив впредь даже приближаться к Тамплию под страхом смерти. Рыцари собрались расходиться, когда к командору подошёл Огюст, влез на каменное возвышение:

— Слушайте, братья. Среди оруженосцев есть не только предатели и подонки. Есть и достойный муж, хоть и простолюдин, но благородных манер. Он вытащил меня из воды, когда я тонул. Он же достойно сражался с арбалетом, не убоившись превосходства врага, когда другие бежали.

— Кто он? — раздались крики. — Пусть покажется!

Командор поднял руку:

— Выйди!

Александр протолкнулся через оруженосцев, он стоял за рыцарями, в пятом или шестом ряду, встал перед командором.

— Повернись, чтобы все узрели твой лик!

Александр медленно повернулся на месте, вновь встал к командору лицом. Огюст продолжил:

— Предлагаю избрать его сержантом!

Простолюдин за достойное поведение в бою мог стать сержантом. И кольчугу носить, и меч, и коня иметь, но, без права носить белую накидку тамплиера, не мог быть избранным командором. Для простолюдина сержант — потолок в ордене. Но если король за заслуги жалует дворянским званием — маркиза, барона или баронета, тогда другое дело.

Александр не ожидал от Огюста такого шага, был растерян. Саша вовсе не жаждал карьеры в ордене. Было приятно, чего скрывать. Но к судьбе воина он себя не готовил, он человек другого времени.

После минутного размышления и молчания рыцари дружно одобрили:

— Достоин! Быть сержантом!

Командор скомандовал:

— Подойди и встань на правое колено.

Саша сделал несколько шагов, опустился на колено. Командор выхватил меч из ножен, поднял:

— Отныне ты посвящаешься в сержанты. И свидетелями тому — все рыцари ордена в Аккре. Носи звание с честью и не опозорь.

Командор мечом плашмя слегка ударил Александра по правому плечу, потом по левому:

— Встань! Отныне ты один из нас, брат, аминь.

Рыцари зашумели, засвистели, потом стали расходиться. К Саше подошёл Огюст:

— Доволен? Заслужил!

Для Александра посвящение стало сюрпризом, он даже не знал, как реагировать.

— Чего не рад? Подожди, со временем, если повезёт, коли подвигами прославишься, король тебя отметит, ещё рыцарем станешь. Настоящее занятие для мужчины. А теперь пойдём, отметим.

— Огюст, у меня нет ни су^{[11](#)}.

— Я угощаю.

Огюст был великодушен. Похоже, Саша ему понравился. В близлежащих к площади тавернах уже рыцарей полно, почти все столы и лавки заняты, но подвинулись, потеснились. Пили бургундское, закусывали жареным мясом, лепёшками и оливками. Пиршество продолжалось довольно долго. Да не в честь Александра, рыцари так общались, отмечали

удачную проводку паломников из Иерусалима. А уже завтра несколько десятков рыцарей отправятся в опасный поход, сопровождая пилигримов.

Засиделись надолго. Выпив, рыцари пустились в воспоминания — о Франции, конечно. Кто-то ристалища вспоминал, прекрасных дам, ради которых одерживались победы. Другие припоминали победы в боях с мамлюками. Это всё же посерьёзнее, чем рыцарские турниры. А добавили ещё вина, начали говорить о родных местах — Шампани, Бретани. Ещё бы, на Святой земле глазу зацепиться не за что — равнина, холмы, редкие деревья в оазисах, везде жёлто-серый цвет. А в благословенной Франции леса, реки, возделанные поля, замки. Александр и спроси у Огюста:

— У тебя замок есть?

— Две деревушки за моим родом и замок. Правда — скромный, два этажа, но стены вокруг, подвесной мост через ров. Недалеко аббатство Святого Валентина. Отличные места, я тебе скажу!

— Мне позволительно будет узнать, почему покинул родину?

— Хм, отвечу. Любовь, мой друг! Она предпочла другого, побогаче. Пока отец мой, хоть и стар, может управлять хозяйством, я решил податься на Святую землю. Веру Христову защитить, себя испытать. Каждый мужчина должен совершить в жизни должный поступок, чтобы было о чём рассказать в старости внукам.

— Огюст! Но служба здесь трудна и опасна. Ты ещё не женат, потомков нет, а голову можешь сложить в любой момент!

— Всё в руках Божьих. Но тут мы с тобой на равных. Ты тоже не женат, детей нет, и погибнуть у тебя шансов больше, чем у меня.

— Почему это?

— Умеешь меньше.

Последняя фраза царапнула душу. Неприятно, но факт, констатация реальных возможностей, ситуации.

— Не боишься смерти? — продолжил Саша.

В других обстоятельствах, будь Саша трезвым, он бы не начал такой разговор. Всё же вино развязывает языки.

— Смерть? Всего лишь миг. Не она страшна, а её ожидание. Не жди, и она не придёт.

— Ты фаталист, Огюст.

— Разве ты другой? Давай ещё выпьем.

Саша лишь пригублял кружку, потому утром чувствовал себя хорошо. А у некоторых рыцарей вид помятый, лица хмурые. А надо в поход, объявленный заранее. На площади уже начала выстраиваться колонна. Конные рыцари — пять десятков, каждый из которых в бою трёх-четырёх мамлюков стоит. За ними оруженосцы, большей частью пешие. Капеллан молитву счёл, перекрестил рыцарей, и они выехали из Тампля в город, где уже на рыночной площади их ожидали пилигримы. Народа в Тампле сразу заметно поубавилось.

Уже после завтрака Огюст подозвал Сашу:

— Надо идти в арсенал, подобрать броню и оружие.

— Я говорил, у меня нет денег.

— На Святой земле все трофеи — оружие, кони, ценности — сдаются в орден. И всё, что я перечислил, ты получишь бесплатно. Конь у тебя есть, вместо сабли можешь получить меч как сержант.

— Я к сабле уже привык, — быстро вставил Саша. — Как и к шлему.

— О, это не всё.

В арсенале вопросов не задавали, сами вчера были свидетелями, как Сашу посвятили в братья. Дольше всего подбирали кольчугу. Богатые заказывали её у кузнецов-оружейников. Кольчуга ковалась по размеру и долго — полгода. У Саши не было ни денег, ни времени, приходилось вынужденно подбирать. Кольчуга — не рубашка, не растянешь. А Саша парень крупный. Часа через три удалось подобрать по размеру — крупные кольца, на груди кое-где в кольцах всечка серебром, рукава длинные, до запястья. Потом подобрали такие же кольчужные штаны. Напоминали они современные колготки — носки и штаны вместе. Получилось не быстрее, чем подбор кольчуги. Далеко за полдень нашлись такие. На правом бедре небольшая прореха от удара, но Огюст сказал — ерунда, кузнец за несколько дней исправит. Щит подобрали по весу и размеру. Для Саши всё вновь. Взгляд его на копья упал. Огюст охладил:

— Копья только для рыцарей. Ты научись саблей и щитом работать конно сначала, да в кольчуге. Она движение стесняет, вес лишний. С непривычки тяжело и неудобно. Но привыкай, потом чувствовать на себе её не будешь.

Кольчугу и штаны в мешок уложили. Саша поднял. Ого! Пуд весом, как не более. А ещё войлочный поддоспешник, но с ним проще.

Сержант уже не с оруженосцами жил, а в комнатах для рыцарей. Для многих оруженосцев стать сержантом — потолок мечтаний, вершина карьеры.

В комнате Огюст помог одеться, причём полностью. На рубашку поддоспешник, потом кольчужные штаны, затем кольчуга, пояс с саблей, в завершение — шлем.

— Ремень под подбородком застегни, иначе от лёгкого удара слетит, — строго сказал Огюст.

Тяжело и жарко. Во внутренних помещениях дворца рыцарей температура такая же, как на улице, по ощущениям — градусов сорок. Саша взмок сразу. А Огюст командует:

— Саблю в руку! И теперь подвигайся. Представь — перед тобой враг, отбивай удары.

О! Саша подвигался, помахал саблей, отражая удары воображаемого противника. Тяжело, железо на теле сковывает движения, пот заливает глаза, и смахнуть его невозможно, шлем не даёт. А ещё обзор ограничен. По бокам головы сталь, перед глазами бармица — кольчужная сетка. Как в танке, ей-богу! Так и сказал Огюсту. Прикусил язык, да поздно. Рыцарь сразу спросил:

— Где? Я не понял?

— Как в котле. Видно плохо, жарко, тяжело.

— Привыкай. Впредь все занятия в полном облачении проводить будем.

Александр вздохнул. Но уже не денешься никуда, как с подводной лодки. Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Со следующего дня занятия продолжились. Упорные, изнурительные порой. Больше всего досаждали жара и тяжёлые доспехи. Но постепенно к тяжести привык, а к жаре так и не смог. По мере того как овладевал приёмами сабельного боя, входил во вкус, упражнения стали нравиться. И Огюст заметил.

— Александер, ты делаешь успехи, — сказал он, когда возвращались в рыцарский замок. — Мне всё труднее пробить твою защиту.

Огюст называл его на западный манер — Александером, с ударением на последнем слоге. Много времени рыцарь и сержант проводили вместе — в учебных боях, за столом, на отдыхе. Постепенно сблизились, насколько это было возможно между дворянином и

простолюдином. Огюста удивляла привычка Саши часто мыться, особенно учитывая дефицит воды. В Акре ещё тёплое море выручало. Саша вечером уходил на берег, плескался и плавал. Смыть пот после занятий в войлочном поддоспешнике на теле — это ли не удовольствие?

Рыцари банными процедурами пренебрегали. Наверное, по принципу — настоящий мужчина должен быть могуч, волосат и вонюч. Уж пахло от рыцарей изрядно. А если ещё и в походах, то добавлялся терпкий запах конского пота. Но рыцарям запах не мешал, это проблема для оруженосцев. Учитывая, что в пище всегда был лук и чеснок, амбре ещё то! Считалось — чеснок отгоняет нечистую силу и предохраняет от болезней, как и лук.

Через две недели из Иерусалима пришёл конвой, а с ним сотни две паломников. Конвой прошёл весь путь до Акры благополучно. Но рыцари сказали, что обоз с паломниками, сопровождаемый рыцарями, вышедший из Акры две недели назад, подвергся нападению. Атака была отбита, но рыцари понесли тяжёлые потери. Командор сделал вывод — усилить сопровождение. Тем более следующий конвой должен выйти на днях и сопровождать не только пилигримов, но и деньги. Орден тамплиеров подрядился перевозить деньги из Франции и других стран в Иерусалим. По получении адресат писал расписку, и её доставляли потом назад, отправителю. За перевозку брали деньги, поскольку орден в деньгах нуждался остро и постоянно. Содержать целую армию рыцарей с оруженосцами в далёкой земле стоило недёшево: вооружение, питание для людей и коней, перевозка к морю — всё стоило денег. Конечно, находились жертвователи, но эта помощь не регулярная.

Следующий конвой вышел, когда из Европы пришли два судна с паломниками. Учитывая уже скопившихся в Акре, получалось много, обоз большой. Но и рыцарей командор выделил много — семь десятков. В их число попали и Огюст с Александром. Выход был намечен через неделю, паломникам ещё надо успеть нанять повозки с мулами, прийти в себя после морского путешествия. Со слов пилигримов, плавание вышло трудным, сильный ветер, волнение на море.

Огюст занимался личными делами, Александр, чтобы время не пропало даром, оттачивал умение стрелять из арбалета. Он помнил, как выручило его это оружие в схватке с мамлюками. За лепёшку с рыцарского стола нанял мальчишку. Тот бежал, волоча на длинной верёвке за собой свёрнутое в тук старое тряпье. Стрелять и попадать в неподвижную мишень у Александра получалось. А по всаднику фифти-фифти, хоть цель велика. Мальчишка бежал слева направо, всего полсотни шагов. Александр успевал прицелиться и выстрелить, потом перезаряжал, кричал:

— Беги!

И стрелял снова. Вначале все болты летели мимо. Мальчишка их собирал, подносил. Александр к полудню злиться начал. Болты рядом с мишенью попадали, но не в неё. И только к вечеру, когда намучались оба — и он и мальчишка, стало получаться.

— Приходи завтра ещё, — попросил Саша.

— Приду, только хлеб принеси.

Видимо, семья бедно жила. Впрочем, детвора подрабатывала с малых лет. Воду разносили в богатые семьи, помогали поднести товар с базара, подмести двор.

На следующий день Саша прихватил лепёшку и пригоршню сушёных фиников. Сегодня стало получаться лучше, каждый второй выстрел в цель. Сразу настроение поднялось. Вернулся в Тампль довольный. У шорника в замке выпросил кожаный ремень, приспособил к арбалету. Теперь его можно было забрасывать на спину, ремень через левое плечо. Саблей

работать не мешает, а ещё прикрывает спину от сабельного удара.

А ещё подобрал на складе фляжку бронзовую. Помнил, как мучился в походе от жажды. Пить на жаре плохо, потом изойдёшь, а глоток сделать хорошо, а ещё глаза омыть от вездесущей пыли. Чуть подул ветерок, и пыль скрипит на зубах, от неё свербит в носу, чешутся глаза. Опыт — дело наживное. И вот настал день выхода.

Порядок построения обычный — рыцари, оруженосцы, обоз, арьергард. Александр уже в который раз недоумевал: а где же дозор, разведка? Александр в современной армии не служил, после школы сразу в университет поступил, получив отсрочку. Но военные фильмы смотрел, книги читал, наслышан был. Как-то нелепо — в поход идут, и без разведки, дозора? Неправильно! Но кто он? Сержант, да и то вновь испечённый, кто из рыцарей прислушается к нему? Осмеют, не примут всерьёз: яйца курицу не учат. Три дня прошли спокойно. Обоз большой, тянулся медленно. Иной раз хвост его скрывался за плавными изгибами дороги и на большими холмами.

И почти на том месте, где в прошлый раз нападение произошло, снова показались мамлюки. Полсотни их выскочило из-за холма, рассыпались лавой, почти заполнив небольшую ложину. Рыцари из походной колонны по три сразу перестроились в шеренгу. Жиденькая, правда, получилась, в один ряд. Вторым рядом несколько конных оруженосцев, в их числе и Александр, а уж за ними оруженосцы пешие. Рыцари копья опустили, кто бармицу на лицо опустил, кто забрало шлема, начали разом. Конные оруженосцы взвели арбалеты, положили болты и поскакали следом. Александр держался сзади и правее Огюста. Между рыцарями промежутки метров по пять-семь, вполне можно кого-то из мамлюков подстрелить, не зацепив своих. Сшиблись противники! Грохот щитов и копий, звон железа. Саша сразу арбалет вскинул, выцелил чужака, всадил в него болт. Перезарядить оружие нет времени, выхватил саблю, втиснулся в промежуток. Слева Огюст, справа Жан. На Александра какой-то молодой, почти сверстник кинулся. У обоих сабли засверкали. Молодые, энергии полно, а боевого опыта не хватает. Саша успел отразить несколько ударов, сам нанёс удар, да только одежду на мамлюке разрезал, до тела не достал. При столкновении мамлюки потери понесли и сейчас бой продолжать не стали, развернули коней и вскачь. Разгорячённые рыцари за ними кинулись. Огюст на стремях привстал:

— Стоять! Назад!

Многие услышали, натянули поводья, развернули скакунов. Сколько раз Огюст втолковывал Саше: главная задача рыцарей — сопроводить без потерь пилигримов, а не показывать своё умение владеть оружием, свою удаль являть. Вполне может случиться, что нападение малой группой мамлюков — лишь обманный манёвр. Отскачут немного, уводя за собой рыцарей, а другая группа на обоз нападёт. Или ещё хуже, если за холмом большая группа ждёт, окружают, сомнут. А потом не спеша за паломников примутся. Обозу от верховых не уйти.

Подобную тактику применяли в боях с противником монголы. Малым числом доскачут, хоть до русских дружин, хоть до кавказских. Обстреляют из луков — и назад, вроде как испугались. А это ловушка. Кинется противник догонять, а там, верстах в пяти, основное войско. Окружат и давай перемалывать. Хитрая тактика, коварная, но почти всегда приносящая победу. Правда, пока до этих земель слухи о Чингисхане не дошли, как и его излюбленных приёмов боя.

Наиболее горячие головы из рыцарей всё же увязались за мамлюками, скрылись за холмом. В авангарде старший рыцарь Эжен из Бретани, приказал всем занять строй. У

половины рыцарей копья сломаны, но и врагов повержено десятка два. Воины застыли в ожидании. Через десяток минут из-за холма показалась лошадь, мчащаяся галопом. К шее её приник рыцарь. Не понять — ранен или пригнулся, спасаясь от стрел. Доскакал, его сразу рыцари окружили. Рыцарь ранен, едва в седле держится.

— Ловушка! За холмом не меньше сотни мамлюков. Наших сразу зарубили, на каждого рыцаря по десятку врагов.

— В обоз его и перевязать! — распорядился Эжен.

И мысленно себя похвалил за осторожность и предусмотрительность. Оруженосцы быстро собрали оружие убитых мамлюков, отнесли в обоз, так же и с телом убитого рыцаря. Раненого отнесли в первую очередь. Стоять нельзя, к мамлюкам подмога подойти может. Эжен рукой махнул — вперёд!

Обозники, видя скоротечный бой, нахлёстывали мулов. Каждый старался побыстрее миновать страшное место. При виде трупов мамлюков крестились:

— Помилуй, Святая Мария!

До Иерусалима добрались относительно благополучно. Один погибший и раненный при нападении и семеро погибших рыцарей, попавших в ловушку. Могло быть значительно хуже. Уцелели все пилигримы и в целости доставлен груз золотых и серебряных монет.

Расседлав коней, даже ужинать не стали. Обмылись от пыли — и спать. После завтрака начали приводить в порядок оружие.

Александр заговорил с Огюстом:

— Скажи, при сопровождении обозов всегда такое построение рыцарей?

— Всегда. Не нами заведено. А что тебя не устраивает?

— Хорошо бы впереди рыцарей, ну, скажем, в одном лье, всадника пустить, вроде лазутчика. В случае если засада кочевников или арабов, он всегда предупредить успеет — рукой сигнал подаст либо по-другому.

— И что это даст? Если видим врага, рыцари всегда успевают боевой строй принять. Я не слышал, чтобы напали внезапно настолько, что рыцари подготовиться не успели. Лазутчик твой попусту жизнью рисковать будет. Кому охота голову подставлять?

— А жителей из селений подкупить, чтобы сообщали?

— Если мамлюки узнают, вырежут всю семью.

— Зачем человеку с нами встречаться? Пусть на дороге знак оставит. Скажем — три камня в ряд на обочине в условном месте.

— Мудришь. А деньги как ему передать?

— Тоже в условном месте.

— Гляди-ка, продумал всё. Когда только успел! Главное — как склонить его? Припрёшься ты в селение, скажем, арабов и будешь по домам ходить?

Да, момент скользкий, до конца его Александр не продумал. Но должен же быть какой-то выход!

Потянулись спокойные дни. Александр выезжал за город с Огюстом. День ото дня занятия всё более изощрённые. Огюст показывал, как сделать обманный финт, хотя бы ранить врага.

— Сразу сразить, чтобы насмерть, редко получается. Удастся нанести рану, пусть малую, тогда противник осторожнее себя вести будет, больше обороняться. А если несколько ран, то и вовсе хорошо, истечёт кровью, ослабеет, тут его и добей. Имей в виду — резаные раны лучше колющих, кровотечение сильнее. И никакой жалости! Он тебя жалеть не будет!

Бей щитом, краем его в коленную чашечку, в лицо. Такие удары болезненны, кости ломают.

Александр все знания, как губка, впитывал. Вроде мелочи, но они могут решить на поле боя исход поединка. Как ни странно, воевать ему понравилось. Опасность, адреналин, хотя такого слова здесь ещё не знают, приключения. У каждого мужчины в крови агрессивность заложена. Рыцари в походах всю злость, агрессивность на противника выплёскивают, поэтому в перерывах между походами, будь в Акре или Иерусалиме, довольно миролюбивы. Выпить вина, спеть песню и разойтись — вот образчик их поведения. К тому же задеть честь рыцаря походя, словом или действием, опасно. Получишь брошенную перчатку в ответ и честный прилюдный поединок. А уж рыцари оружием владеть умели, и желающих позадираться не находилось.

Вечером, когда ложились спать, Александр вспоминал дом, родителей. Как-то они там? Наверняка приятель его Валера сообщил, что утонул их сын на Ладоге, а тело не нашли. Для родителей горе, а он жив, только весточку передать не может. А по размышлению — кому передать, если и родителей на свете нет, появятся через шесть с лишним веков? А всё же слёзы иногда наворачивались. Удастся ли увидеть?

Утром уже по распорядку. Молитва общая, под руководством капеллана, завтрак, упражнения, обед, послеполуденный отдых, когда солнце жарит немилосердно, ужин поздний, когда солнце садится и температура падает. И каждый день похож на предыдущий. Из развлечений только выпивка и долгие разговоры. Но и поговорить особо не о чем. Новости из Франции до Святой земли идут с большим запозданием, с паломниками на кораблях. Ни газет, ни Интернета, ни телевидения. Полный информационный вакуум. Однако рыцарей это не напрягало, они выросли в такой атмосфере, считали единственно возможным. А Саше не хватало информации. Что в мире творится? А больше всего интересовали новости о Киевской Руси. Не было ещё государства Московского, но Русь почти триста лет как крещена князем Владимиром. Жалел иногда, что к истории религий, своей страны относился с прохладцей. Выучил в школе, что задали, ответил и забыл. И никогда не читал больше заданного, не говоря о Карамзине или современных историках. Да и редко кто в его возрасте задумывается и изучает историю страны. Что страна, если не знают историю своего рода, максимум знают имя деда. А рыцари знали свой род до седьмого колена и чтили.

Глава 3

«Франсуаза»

Через две недели рыцари вышли в новый поход, на этот раз сопровождать обоз паломников из Иерусалима в Акру. Пилигримы посетили святыне для каждого христианина места, стремились в Акру, оттуда на кораблях домой, в Европу. Обоз невелик, полсотни повозок, ещё пешие. В сопровождение выделили три десятка рыцарей, да ещё оруженосцы. День пути, второй, и на третий, ближе к вечеру, выехали из-за небольшого холма, а на дороге разгромленный обоз. Убитые пилигримы, перевёрнутые повозки, лошади — павшие и живые, а ещё в стороне убитые рыцари из ордена госпитальеров, судя по чёрным накидкам и восьмиконечным крестам на них. Рыцари сразу насторожились. Судя по пятнам свежей крови, нападение произошло недавно, не более часа назад, и враги могли быть рядом. Не исключено — поджидая новую жертву.

— Занять оборону! — скомандовал Огюст.

В походах с небольшой численностью рыцарей и паломников его назначали старшим. Видимо, не зря носил имя Огюст, в переводе — «почтенный, умудрённый».

— Александр, с оруженосцами осмотри всё. Убитых госпитальеров в повозки, их оружие забрать.

Среди оруженосцев Саша старший — всё же сержант. Уже не оруженосец, но ещё не рыцарь. Освободили несколько повозок из разгромленного обоза, погрузили в них рыцарей. Иногда госпитальеры и тамплиеры конфликтовали между собой, даже сражения были, но не на Святой земле. Здесь держались вместе, помогали друг другу, иначе не выжить. Дошёл черёд до оружия. Видимо, те, кто напал, торопились, не забрали оружие. Мамлюки рыцарским не пользовались, но оружие стоило дорого, его продавали.

Саша подбежал к Огюсту. В боевой обстановке все рыцари похожи — накидки, кольчуги, шлемы, оружие. Лица за бармицами или забралами не видно, но Саша мог узнать Огюста из многих — по манере сидеть в седле, по тому, как рыцарь держит оружие.

— Что с паломниками делать?

— Сколько сможете, погрузите на повозки.

— Придётся друг на друга класть.

— Они уже не обидятся. Но всё же христианские души, тела погребены должны быть, по обычаю и традициям.

Среди паломников иной раз встречались люди знатные, богатые, родственники обязательно интересоваться будут потом, где упокоены. Верховых рыцарских коней только два, да и те ранены, хромают. Зато почти все мулы целы. Мамлюки или кочевники ценили скакунов, если была возможность, забирали с собой. А мул — только обуза, под седлом не ходит, только и способен повозки таскать. В повозках тоже были убитые. Оруженосцы складывали тело на тело, не до приличий. В одном возке две женщины, обе залиты кровью. Когда сверху уложили убитого, раздался стон. Послышалось?

— Ну-ка, снимите труп, — распорядился Александр. — Вроде стонал кто-то?

— Мне тоже слышалось, — подтвердил один из оруженосцев.

Сняли убитого, Саша потрогал оба женских тела. Одна — тёплая, жива, но одежда в крови. Ранена? Времени разбираться нет, и так Огюст уже поторапливал. До темноты надо

успеть довести конвой до посёлка. Там вода, крыша над головой. Уложили трупы, сверху на них женщину. Молодая, лет двадцати двух — двадцати пяти, европейского вида, нателный крестик есть. И платье на ней европейское, почти до пят. Если выживет, значит, судьба, суждено.

Часть пеших паломников усадили на облучки в повозках. Кто-то же должен управлять мулами. И пешим хорошо, ехать куда удобнее, чем сбивать ноги на неровной каменистой дороге. Обоз тронулся, значительно увеличившись. Повозки с мёртвыми ехали замыкающими. Паломники переговаривались. Такая же участь могла постигнуть и их. Молились, чтобы добраться без происшествий до Акры. Там город, крепость, порт, там безопасно. Всё же задержка в пути сказалась, в посёлок въехали, когда уже опускалась ночь. По-южному ярко светили звёзды. Прибывшие столпились у колодца, в первую очередь хотелось утолить жажду. Пока столпотворение у колодца не рассосалось, Саша пошёл к повозке, где лежала раненая. Жива ли? Да и езда по жаре, на тряской повозке уменьшала шансы выжить.

Он откинул полог, потрогал руку. Тёплая. Снял женщину с повозки. Нечего ей находиться среди мёртвых, скверное соседство. Кто она? Зачем направлялась в Иерусалим? Уложил её на каменную лавку, сбегал к колодцу, принёс воды во фляжке. Смочив тряпку, обтёр лицо. Платье женщины в крови, надо хотя бы узнать, куда ранена, насколько опасно ранение. От ощущения воды на лице женщина пришла в себя, застонала, открыла глаза. Несколько секунд пыталась понять, что с ней, где она. Видимо, Александр её испугал. В шлеме, лицо пыльное, чумазое. В пути потел, смахивал пот ладонью, размазывая пыль, не умывался ещё, только и успел несколько глотков воды сделать.

Женщина вскрикнула, ладонью прикрыла лицо. Неужели за мамлюка приняла?

— Я христианин, из ордена тамплиеров, не бойся, ты жива. Скажи, как звать тебя и где ранена?

— А где Луиза?

Голос у девушки хриловатый. Саша приложил фляжку к её губам, приподнял голову. Женщина припала к горлышку, жадно пила. Саша не торопил, зная уже, что такое жажда в этих жарких краях, где глоток воды — ценность.

— Вынужден тебя огорчить. Не знаю, кто она тебе, но она мертва.

По щекам женщины потекли слёзы.

— Она моя хозяйка, я нанялась служанкой. Меня звать Франсуаза, я из Тулона.

После того как женщина попила, голос её изменился, стал мелодичным, без хрипотцы.

— Где рана, где болит? Ты вся в крови.

— Голова. Сзади, на затылке, и сильно.

Женщина медленно села на лавке, Саша помог, подержал за лопатки.

— Я посмотрю.

У женщины волосы густые, длинные, сзади слиплись от крови. Саша осторожно прощупал голову. Шишка большая, небольшая ранка, уже подсохшая.

— Заживёт. Руки-ноги целы?

Женщина подвигала конечностями.

— Не больно.

— Вот и хорошо. Ты голодна?

— Меня тошнит, о еде думать не могу.

Похоже, сотрясение головного мозга. Саша не врач, и познания в медицине мизерные, но

по телевизору передачи и фильмы видел, кое-что запомнил. Главное в таких случаях — постельный режим.

— Чем я могу помочь?

— Иди, рыцарь, у тебя свои дела.

Дела — это верно. Коня расседлать, задать корма, самому поесть. Оказалось — оруженосцы коня его расседлали, в кормушку овса насыпали. Саша поел чечевичной похлёбки с лепёшкой, спать улёгся. Впереди ещё три дня перехода, надо отдохнуть. После завтрака коня подготовил. Паломники тоже поторапливались. Вновь явленные возникли уже на облучках. Он Франсуазу увидел. Стоит в сторонке, явно не зная, что делать. Саша подбежал:

— У тебя знакомые, родня в Иерусалиме были?

— Нет.

— Тогда быстро на повозку, мы выезжаем в Акру. Пойдём, посажу.

На облучке повозки двоим тесно, паломник возмущаться стал. Саша схватил его за локоть, сдёрнул с повозки.

— Не хочешь ехать в тесноте, иди пешком.

Подсадил Франсуазу на облучок.

— Держи вожжи. И не отставай. Мул сам пойдёт, будет отставать — похлёстывай.

Женщина сегодня выглядела лучше. Видимо, ночью, когда все отдыхали, вымыла волосы. Крови на голове, теле уже видно не было, только платье в пятнах. Разговаривать некогда, первая шеренга рыцарей уже выезжала из селения. Саша добежал до лошади, тронул, занял своё место в строю. Около полудня остановка — передохнуть, попить. Огюст заметил:

— Как появилась юбка, ты от неё не отходишь.

Саша смутился. У него в мыслях ничего такого не было. Женщина одна, с травмой, растеряна, он хотел просто помочь. Но времена другие, жестокие, помогать человеку чужому принято не было. Да и в Библии сказано — помоги ближнему своему. И не написано, что незнакомцу. Хотя, после того как женщина вымыла волосы и лицо, оказалась хорошенькой. А Огюст подбадривает:

— Ты не теряйся. Обет безбрачия не давал, не рыцарь. Да и не в брак же ты собрался, а побаловаться — грех невелик. Отмолишь или индульгенцию купишь, если денежки заведутся.

Откуда им завестись, если Саша уже который месяц в ордене, а монеты видел только в чужих руках. Кормёжка, оружие — за счёт ордена, вроде как деньги не нужны, если только на выпивку в таверне. Так он не большой любитель, если и выпивал немного, так кто-то из рыцарей платил. Некоторые из них имели имения, родню богатую. Саша сам видел, как один из рыцарей получил изрядный кожаный кошель серебра от прибывшего с кораблём паломника, расписку в получении написал. Родня передала с оказией, как часто бывало. Официальной почты не существовало. Богатые во французских замках письма передавали с гонцами, бедные — с оказией, через попутчиков. Да и редко родственники в отдалении жили, чаще в одном городе или селе, так проще поддерживать друг друга.

До Акры добрались за три дня. Франсуаза от травмы головы отошла. На последней ночёвке перед Акрой она сама нашла Сашу:

— Ты разрешишь забрать из одежды моей хозяйки кое-что? У меня в повозке узелок с запасным платьем, расчёска.

— Конечно. Я помогу.

Тело её хозяйки — под трупами в три уровня. Трупы в жарком климате уже разлагаться стали, подванивать. Саша трупы в повозке на облучок передвинул, благо толстых и тяжёлых не было, освободив одну сторону повозки. Узелок с одеждой нашёлся в самом углу. Франсуаза обрадовалась:

— Будет во что переодеться. Всё же город, не хочу выглядеть неряшливой.

— Будешь ждать корабля, как и другие паломники?

— Не знаю. У меня в Акре подруга, замужем за торговцем вином. Пока остановлюсь у неё, а там видно будет.

Франсуаза медлила, не решаясь что-то сказать. Саша заметил:

— Говори уже.

— Даже не знаю, как сказать. В корсете у Луизы, погибшей хозяйки, есть деньги. Я сама их туда зашивала по её просьбе.

— Достать хочешь?

— Ей деньги уже не нужны, а меня выручат на первых порах.

Вообще-то не по-христиански мёртвых обирать, мародёрство. Но и хозяйке деньги не нужны, тем более Франсуаза Луизе погибшей не совсем посторонняя. Господь простит! Саша переложил в повозке тела. У Луизы глубокая и длинная резаная рана на спине. Упав, она прикрыла Франсуазу от мамлюков, тем сохранив жизнь. Женщина повернула тело на бок.

— Дай нож.

Саша протянул. Франсуаза вспорола платье, затем корсет. Блеснули жёлтые монеты. Золотые экю, пять штук, и серебряных десятков. Франсуаза спрятала их в свой узелок.

— Как приедем в Акру, я отмолю грех, поставлю свечку, — заверила она.

И вот конвой уже въезжает в Акру. После ворот остановились. Александр нашёл в обозе повозку, где находилось собранное оружие. Это трофей, и повозка пойдёт к тамплиерам. Повозки с телами рыцарей, госпитальеров, — в их орден, пусть хоронят. За заботой, распоряжениями не получилось попрощаться с Франсуазой, обоз с паломниками проследовал дальше, а рыцари повернули влево, к Тамплию.

Несколько дней отдыха. Утром, когда после завтрака Александр и Огюст обсуждали, какими упражнениями займутся сегодня, к ним подошёл рыцарь — госпитальер.

— Ты будешь Огюст?

— Я.

— Благодарю за то, что не бросил тела моих погибших братьев на съедение шакалам. Мы упокоили их по-христиански. Меня звать Бастиан.

— Не благодари, ты на моём месте поступил бы также. На этих землях христиане должны помогать друг другу.

Бастиан помялся, потом попросил:

— У меня просьба. Среди погибших был мой родной брат Паскаль, старший брат. При нём был двуручный меч «цвайхенде». Это семейная реликвия, он перешёл от деда к моему отцу, потом к Паскалю. Теперь он должен принадлежать мне.

К семейным, родовым реликвиям относились уважительно.

— О чём разговор, Бастиан? Пойдём в арсенал!

Из кучи боевого железа, сваленного в кучу, Бастиан сразу вытащил меч. Был он без ножен, лезвие покрыто пятнами засохшей крови.

— Вот он!

Бастиан взял меч, сделал им несколько взмахов. Меч огромен, но рыцарь вертел им легко.

— А ножны?

— Ищи сам.

Бастиан передал меч Александру, стал разбирать боевое железо. Саша удивился, насколько тяжёл меч. Длинная рукоять под свободный хват обеими руками в кольчужных перчатках, клинок метр, как не больше, при том, что обычный меч имеет длину лезвия сантиметров семьдесят-восемьдесят. Тяжёлый! Килограмма три с половиной, а то и четыре, когда сабля весит полтора. Александр ухватил меч обеими руками, сделал мах. Нет, не его оружие. Тяжёл, инерция большая, таким в бою управлять трудно. Когда Бастиан всё же нашёл ножны, с облегчением вернул ему меч.

Бастиан меч в ножны вогнал, с чувством долго тряс руку Огюсту.

— Меч этот достался деду в тяжёлом поединке с германцем, дорог, как память. Отныне, Огюст, я твой должник.

— Сержанта Александра благодари, он оружие собирал и тела.

Бастиан и Саше руку пожал. Расстались приятелями, хотя Огюст госпитальеров не очень жаловал.

Отправились на занятия. Александр спросил:

— Как таким мечом сражаться? Тяжёл, неудобен, баланс плохой.

— Привыкнуть надо. Зато длинен, к себе врага его владелец не подпустит. И стоит разок таким клинком по врагу попасть, ему конец. Ни одна броня не выдержит. У такого меча удар только рубящий, никаких уколов и резов. Ударь даже плащом, через кольчугу рёбра ломает. Такое оружие рыцари Тевтонского ордена применяют, на севере, у нас не прижилось. Кстати, обладатель двуручного меча всегда идёт в первых рядах, как таран. Крушит щиты, рубит копья пехоты. Считается смелым и ценным воином, при дележе трофеев ему двойная часть достаётся.

Александр посмеялся. Не хотелось бы ему встретиться в бою с таким противником. Сегодня Огюст показывал ему всякие хитрости — укол саблей из-под щита, уход от удара сверху.

— Никогда не бери седло с высокой задней лукой, тогда на спину не запрокинешься, на круп коня. Иногда такой финт от неминуемой смерти спасает.

Обратно возвращались через рыночную площадь. К ней выходили многие улицы. На одной из них Александр увидел знакомую женскую фигуру, сказал Огюсту:

— Езжай, я догоню.

А сам — к женщине:

— Франсуаза, добрый день!

— Это ты? Я уже думала — забыл!

На женщине новое платье, волосы причёсаны, выглядит хорошо. Видел-то её в крови, в пыли, неприглядную. Александр решил не упускать счастливый случай.

— Может, встретимся вечером?

— Почему нет?

— Ты где живёшь?

— Через три дома, у подруги. По-моему, я тебе говорила.

Пока разговаривали, дошли до дома. Как и все владения — высокий забор глухой, ворота, сбоку узкая калитка. За забором виден второй этаж каменного дома. В городе все

дома из камня. Дерево надо везти из Европы, стоит дорого, а камень из местных каменоломен, на которых трудятся рабы.

— Я вечером приду, — пообещал Александр и развернул коня.

Огюст уже своего коня в конюшню поставил.

— Женщину из обоза встретил?

— Её самую, Франсуаза звать.

— Мила. У неё здесь родня?

— Говорит — у подруги живёт.

— Она не шлюха?

Александр поперхнулся, хотел возмутиться, да остыл. Что он о ней знает? Да почти ничего, но на девицу лёгкого поведения не похожа. Ошибиться не хотелось.

Поужинал в числе первых. Перед этим одежду почистил, на море сходил искупаться. Чтобы потом не пахло. Всё же занятия на жаре с Огюстом и в войлочном поддоспешнике не самое лучшее времяпрепровождение. А вонять, как многие рыцари — потом, чесноком, лошадью, — не хотелось. Хотя рыцари так не считали, полагали, от них настоящим воином пахнет. На запахи в эти времена особого внимания не обращали. У дам из дворянского общества в лучшем случае розовая вода.

Александр отправился на свидание, первое в своей новой ипостаси, в другом времени. Были у него девушки, ходил на свидания, один раз даже с цветами. Долго ждал тогда на месте встречи, а девушка не пришла. Цветы отдал первой встречной. Семья жила не богато, и лишних денег не было, а цветы в Питере всегда в цене. Но свидания не имели продолжения, хотя кое-какой опыт дали.

Едва он постучал в калитку, как Франсуаза открыла. Александр не знал, что делать. Пригласить погулять? В городе развлечений нет, если только таверны. Но не выпивать же он собрался! Тем более в кармане ни одной монеты. Предложить сходить на берег моря? Женщины в эти времена не так романтичны, чтобы любоваться закатами. Но Франсуаза взяла инициативу в свои руки:

— Идём, только тихо!

Взяла его за руку, повела. За домом стоял ещё один домик, скорее хибарка. Из камня, но очень мал, четыре на пять шагов, низкая крыша. Скорее домик для прислуги. Топчан, небольшой стол, две грубо сколоченные табуретки, сундук для одежды. Тесно, но для одного человека достаточно. Франсуаза показала на табуретку:

— Садись, я быстро.

Она поставила на стол кувшин с вином, тарелку с оливками и сушёным виноградом на веточках, сыр и лепёшку.

— Ты голоден?

— Я поужинал.

— Тогда давай выпьем, что остались живы.

Александр на правах мужчины разлил вино по кружкам. Выпили. Вино, вопреки ожиданиям, оказалось превосходным. Александр даже губами причмокнул, оценив.

Франсуаза улыбнулась:

— Муж моей подруги торговец вином. И дешёвку привозит, и отменное вино для богачей и ценителей.

Разговорились. Александр больше помалкивал. Язык мой — враг мой. Что он знал о средневековой Франции? Да почти ничего, мог попасть впросак. Зато Франсуаза щебетала

без умолку. Впрочем, все женщины любят поговорить. Через полчаса стало темнеть, солнце садилось за горизонт. В хибарке стало темно. Уйти или Франсуаза зажжёт масляный светильник?

— Ты всегда такой нерешительный? — неожиданно спросила женщина. — Иди ко мне.

Александр подошёл, обнял Франсуазу, она привстала на цыпочки, впилась в его губы поцелуем, прижалась всем телом. Александра аж затрясло от желания. Женщина отстранилась, зашуршала ткань.

— Ну, что ты стоишь? Раздевайся.

В любви Франсуаза оказалась опытной, ненасытной. Да и то сказать — на пять лет старше Александра, считай, на четверть жизни.

Он остался у неё до утра. Но как только забрезжил рассвет, Франсуаза сама оделась, попросила Александра одеться, да побыстрее.

— Не хочу, чтобы подруга видела, — объяснила она.

Уже у калитки прошептала:

— Приходи сегодня вечером.

— Буду.

Александр до рыцарского замка доплёлся, сразу спать рухнул. Было ощущение, что все жизненные силы высосали. Завтрак пропустил, хотя вокруг ходили, разговаривали, шумели. Проснулся к обеду. В трапезной встретился с Огюстом.

— Не упражнялись сегодня, это плохо. К девке ходил?

— К ней. Хороша!

— За развлечениями о службе не забывай. На молитве утренней не был, непорядок.

И в самом деле, не был. А к службе в храме все члены орденов относились ревностно. Рыцарские ордена — объединения в первую очередь религиозные, а потом военные. В храме рыцари и оруженосцы разных орденов стояли плечом к плечу, молились вместе, несмотря на периодически случающиеся разногласия.

Только после обеда Александр почувствовал, что ожил. В пешем порядке пофехтовал с Огюстом, прямо на территории замка. Рыцарь поинтересовался:

— Опять сегодня к ней пойдёшь?

— Пойду.

— Смотри, не давай себе прикипеть, иначе она тобой руководить будет. Женщина во всём мужчину слушать должна, подчиняться.

— Не, Огюст, она не такая.

— Поначалу все не такие. Не теряй голову. Это всего лишь плотские утехы, не более.

И чего Огюст так печётся? Ещё неделя, может быть немного больше, придётся снова в поход идти, и вернётся он в Акру через месяц. За это время Франсуаза другого ухажёра найти может, а не хотелось. Сам же Огюст как-то поучал:

— Живи сейчас, завтра может не быть, потому что убьют. Мы воины, и судьба не всегда благосклонна бывает.

Эх, узнать бы наперёд, куда заведёт его страсть! Вроде и порицал его Огюст, не запрещал, но и не поощрял. Тем не менее Александр едва дождался вечера и снова отправился к Франсуазе. Женщина его ждала: едва он стукнул в калитку, сразу открыла. Немного вина, любовные утехы. В перерывах женщина спросила:

— Я слышала, через два дня обоз с паломниками снова идёт в Иерусалим?

— Да, но сопровождать будем не мы, а госпитальеры.

— Значит, ты останешься? — обрадовалась Франсуаза.

— Я же не госпитальер.

Конвой в самом деле ушёл, но через несколько дней в Акру пришёл другой, уже из Иерусалима, с благой вестью, что госпитальеры дошли благополучно, нападений не было, ни один рыцарь или паломник не пострадал. В рыцарском замке ликование. Посчитали благополучную проводку добрым знаком. Видимо, Господь услышал их молитвы. А ещё — силы рыцарей так велики, а потери мамлюков столь ужасающи, что они не отваживаются нападать на конвой. Святая простота!

Две недели, почти каждую ночь, Александр проводил у Франсуазы. Женщина с каждым днём нравилась ему всё больше. Мила, хороша собой, чистоплотна, ласкова, всегда встречает угощением. Доступное тело ли Александра влекло или желание хоть на ночь почувствовать себя как дома? Всё же полгода в чисто мужской компании, в казарменной обстановке, на опасной службе. Хотелось домашнего уюта, женской ласки, которую щедро дарила Франсуаза.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Примечания

Су — мелкая французская монета.